

18+

ЛЕОНИД КУЛИКОВСКИЙ

ИЗ КЛАДОВОЙ ПАМЯТИ...

Леонид Куликовский
Из кладовой памяти...

«Издательские решения»

Куликовский Л.

Из кладовой памяти... / Л. Куликовский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-678884-8

Для нас, остаются главные ценности: дом, семья, родная земля. Когда заглядываешь в «кладовую памяти», для себя находишь то, что является основой, твёрдой почвой, для отталкивания и вхождения в жизнь уже в новом качестве. Из детства в юношество, из юношества в молодость и далее... Родина, Семья, Друзья, Школа — вот та основа, фундамент на котором строится наша жизнь! Отдельные рассказы взяты из книги «Мозаика детства» На обложке: Магдагачи. Храм, построенный в честь святого Владимира. 1913 год.

ISBN 978-5-00-678884-8

© Куликовский Л.
© Издательские решения

Содержание

ПОСВЯЩЕНИЕ	7
ЭПИГРАФЫ	8
СЛОВО О КНИГЕ	9
МЫ ЗДЕСЬ И ТАМ КАЖДЫМ АТОМОМ...	12
РАННЕЕ УТРО. В ПОСЁЛОК	17
В ПЕРВЫЙ КЛАСС	21
НА КВАРТИРЕ КОММУНАЛЬНОЙ	26
В КЛУБАХ	29
Кино за пять копеек	29
«Морозко»	33
НА ПЛОТАХ в ДОГОНЯЛКИ	36
ВЕСНА В ПОСЁЛКЕ	39
ПЕРВОЕ МАЯ!	44
ДОЖДЬ. ЧТЕНИЕ	49
ГОРЫ. НА ЛЫЖАХ	54
ХОККЕЙ	57
КАК МЫ ИГРАЛИ...	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Из кладовой памяти...

Леонид Куликовский

© Леонид Куликовский, 2025

ISBN 978-5-0067-8884-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Леонид Куликовский

Леонид Феликсович Куликовский родился 14 января 1956 года на прииске Крутой, в двенадцати километрах от Магдагачи. Вскоре прииск был закрыт, и жители его переехали в посёлок. Детство провёл среди лесов, рек и озёр, какие в обилие были на Крутом. Читай книгу «Мозаика детства».

В 1963 году пошёл в первый класс школы №156, старое здание школы, несохранившееся (рассказы «В первый класс», «На квартире коммунальной», «Контурсы прошлого»)

В 1971 году после восьмого класса перешёл в среднюю школу №155 и закончил успешно в 1973 году (рассказ «Другая школа», «Уходящий в будущее»). В этом же году поступил в высшее учебное заведение, политехнический институт в городе Томске (повесть «А ты помнишь?..», очерк «ДОМОЙ! Магдагачи»).

В 1978 году служба в рядах Советской армии, в городе Новосибирске. После демобилизации вернулся домой, в Магдагачи. Работал один год помощником машиниста на железной дороге при магдагачинском локомотивном депо (рассказ «Перипетии жизни»).

По окончании института служба офицером в Вооружённых Силах Советской армии (Белорусия) рассказ «На руинах отшумевшей жизни». После увольнения в запас, переехал жить в Украину, город Кировоград (Елисаветград).

Работал инженером-конструктором, предпринимателем, заместителем генерального директора товарно-сырьевой биржи, менеджером по продажам в сельском хозяйстве, после выхода на пенсию подрабатывал таксистом, работал пожарником во время учёбы в институте.

Имеет троих детей: дочь, сын, дочь.

Начал писать в 62 года.

Первая книга «Мозаика детства» написана в 2021 году.

Вторая «Контурсы памяти», в 2022 году.

Третья «Центры притяжения» – в 2025 году.

Начал писать четвёртую книгу «Чувство сопричастности».

Лауреат конкурса «Лебедь Белая 2024». Первое место в разделе эссеистика. Международная гильдия писателей.

ПОСВЯЩЕНИЕ

КНИГА «**ИЗ КЛАДОВОЙ ПАМЯТИ...**» ПОСВЯЩАЕТСЯ ВСЕМ МОИМ ЗЕМЛЯКАМ, ДРУЗЬЯМ ДЕТСТВА, ОДНОКЛАССНИКАМ И МИЛЫМ СОСЕДЯМ, ПАМЯТЬ О КОТОРЫХ ХРАНИЛ, ХРАНЮ И БУДУ ХРАНИТЬ...

ЭПИГРАФЫ

«Я не могу не откликнуться на зов прошлого, того прошлого, чья связь с нами становится все тесней по мере того, как оно все более от нас отдаляется...».

Из письма Тютчева Фёдора Ивановича Блудовой А. Д.

«Да, столько впереди интересного, важного, что хотелось бы рассказать, а не могу отрваться от детства, яркого, нежного, поэтического, любовного, таинственного детства. Да, удивительное было время»

Толстой Лев Николаевич Воспоминания гл. 8.

«Я теперь занят эпизодом в мою книгу: я пишу сказку, которую в детстве я знал наизусть и рассказывал на потеху всем, со всеми прибаутками сказочницы Пелагеи. Разумеется, я совершенно забыл о ней; но теперь, роюсь в кладовой детских воспоминаний, я нашел во множестве разного хлама кучу обломков этой сказки...»

Аксаков Сергей Тимофеевич сыну Ивану Сергеевичу

СЛОВО О КНИГЕ

* * *

В ваших руках книга «Из кладовой памяти», написанная Леонидом Куликовским, магадачинцем, земляком. Книга солидная, с иллюстрациями, подобранными точно по характеру и настроению повествования; встроенными строками из стихотворений, сопровождающих поэтические описания природы. Чтение, начавшееся с короткого стихотворения в прозе «Мы здесь и там каждым атомом», прерывать не хочется, оно захватывает, увлекает в мир детства, природы, красоты, доброты... Всё было так, со звуками, красками, картинками.

В его рассказах много света, сердечности, душевности. Автор говорит о себе, о своих чувствах, о своей семье, о жизненных ценностях, о радостях и горестях, о теплоте родного дома. Сколько же тепла и любви в этих рассказах! Живой, лёгкий, образный и красивый русский язык, искренность; всё это погружает в мир радости от общения с героями рассказов. Повествование в рассказах и очерках пронизано чувством настоящим, не надуманным. Живут герои рассказов в том же посёлке, что и семьи читателей, ходят по тем же улицам, заходят в магазины, в клуб железнодорожников, на каток, в парк, идут на железнодорожную станцию, слышат перестук вагонных колёс, дышат ароматом тайги и нагретых шпал.

Магдагачинцы смогут прочитать о себе, потому что для автора и его читателей неизменными остаются главные ценности: дом, семья, родная земля, сопки приамурья, тайга. Леонид не просто рассказывает, он постоянно анализирует, размышляет. Делает это автор ненавязчиво, не заставляет следовать его мыслям, но призывает задумываться над многими сторонами жизни. В его размышлениях я нахожу много полезного для себя, для своих детей. Наши потомки смогут прочитать о нас с вами, какими мы были.

Вспоминается мне: несколько лет назад в одной социальной сети, где начали появляться рассказы Леонида, я увидела небольшую статью о наших магадачинских лесных и луговых цветах. Поразило всё: красота слова, точность в описании и, самое главное, особое любовное отношение к тому, о чём написано. Это был рассказ Леонида. С тех пор старалась каждый день открывать интернет, чтобы найти написанное этим человеком. Постепенно мы начали переписываться, общаться. Оказалось, что Леонид родился в Магдагачи, учился, жил, работал в депо. Сейчас он живёт на другом конце планеты. Но! Он сумел сохранить трепетно-трогательное отношение к родине, к землякам. О чём пишет? О себе, своей семье, о Магдагачи, о русских писателях, о вере, о ценностях жизни. В первой книге, посвящённой детству, меня удивило слово Мама. Всегда с большой буквы! И не нужно лишних слов, всё понятно о нём (авторе), о семье, об отношениях в семье. Пожалуй, только ему я могу рассказать о детстве, о далёком счастливом времени, потому что мы с ним земляки: мы дышали одним неповторимым таёжным воздухом, ходили по одним дорожкам, выпитывали один «воздух родины особенный». Д. С. Лихачёв сказал, что *«человек крепче хранит память благодарную, чем память злую»*. Леонид своим талантом эту память облагораживает.

«Центр притяжения», так называется один из рассказов Леонида Куликовского, вошедших в сборник «Из кладовой памяти». И в самом деле, центром притяжения для автора стали события, которые связаны с небольшим рабочим посёлком в Амурской области. Центр притяжения – посёлок Магдагачи!.. Этот сборник полностью посвящён посёлку, каким он помнит, каким вошёл в него с малых лет и какой навечно закрепился в памяти своим домом, улицами, клубами, друзьями, соседями, в которых мы узнаём себя. Мир детства, завораживающей природы, радостной красоты, доброты захватывает, увлекает.

Дорогие мои земляки, у ваших детей и внуков есть своя книга. Она о людях, проживших на нашей земле светлую и добрую жизнь, наполненную любовью. Вы узнаете в героях книги

себя, своих родных и близких, потому что написано так, будто и о нас, и о них, и о главном в жизни.

Автор книги учился в школе №156 – рассказ «В первый класс»; школе также посвящён очерк «Контурсы прошлого»; после восьмого класса перешёл в школу №155 – «Другая школа»; жил в посёлке – рассказы «В клубах», «Каток», «Весна в посёлке», «На рыбалку»; работал в депо – «Перепитии жизни» и другие рассказы...

Леонид – писатель вдумчивый, искренний, очарованный родными просторами. Благодаря ему, читатель получает увлекательное путешествие в мир, отделённый от сегодняшнего дня временем, а также материал для размышлений и своих воспоминаний.

Я с удовольствием думаю о той радости, которую принесёт книга Леонида Куликовского всем, кто любит родную приамурскую землю, кто любит знакомиться с людьми нашего прошлого и настоящего.

Наталья Конаш (Шуточкина)

* * *

В чём притягательность творчества писателя Леонида Куликовского?

Для себя я вывел это определение: все органы чувств без остатка задействованы, когда погружаешься в прочтение. Это ли не показатель мастерства! Ненавязчивая детализация, помноженная на поразительную память, изложенная в контексте детского мироощущения и восприятия, заставляет читателя с головой погружаться в авторскую развёрстку повествования.

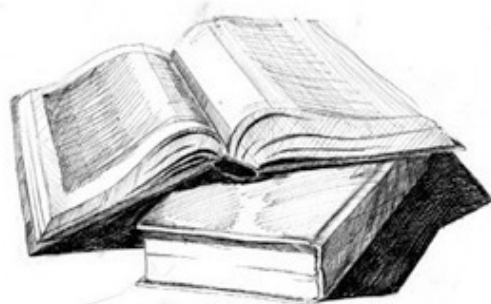
Книга эта подобна «кладовой памяти», её мозаичной картине... Вглядишься во фрагменты и уже полно видишь игру в зоску со свинцовой прищепкой, переводишь взгляд, и ты в другой картинке, где состязание в чикку или пристенок, в итоге игры – медный, гнутый пятак «Контурсы прошлого»; далее – начищенные до блеска школьные с крючками под шнурки ботинки, отутюженный без складок алый пионерский галстук «Первое Мая!». При следующем чтении попадаешь под улыбающийся месяц, галантно подставивший свой изящный рожок нежной тучке, чтоб закружить с ней звездный «Майский вальс»; а колоритная учительница по физике – завуч, способная собою изображать молекулу, а ученика атомом, чтобы ему лучше доходила механика мельчайших частиц «В первый класс»; или соседка по коммуналке, пусть злюка и пьющая, но живая и мастерски изображённая «На коммунальной квартире». Шедевр!.. И невозможно умолчать о мальчишечьем кодексе чести «Дождь. Чтение»; костёр у речки, эти потрескивающие и источающие непередаваемый аромат шматочков сала «На рыбалку» – читаешь, видишь явь и сглатываешь желание самому отведать!..

К одному из рассказов я писал, здесь повторю: *«Спокойно, без эмоциональных рывков выстраивает Леонид своё повествование. Получаешь наслаждение от прочтения. Великолепный слог, живописные картины природы, писатель мастерски одушевляет природу, наделяя её способностью к сопереживанию. И всё это подаётся с большой любовью! Да, и опосредованные размышления о нашем яростном жестоком мире лишены авторского морализаторства и гневливости. И это подкупает».*

Писательское кредо Куликовского сродни высказыванию К. С. Станиславского: *«Люби искусство в себе, а не себя в искусстве».* Любовь к перевоплощению, когда у читателя возникает эффект своего присутствия в среде, создаваемых им, автором, литературных персонажей и помноженного на любовь к ним, героям, – это ли не высший писательский пилотаж?!..

Леониду подвластны все жанры. И это здорово! В любом его произведении – малом ли, масштабном, вдумчивый читатель до корней волос ощущает себя соучастником действия, сотворенного писателем Куликовским!

Василий Шарапов

МЫ ЗДЕСЬ И ТАМ КАЖДЫМ АТОМОМ...

Что нам видеть, пловцам, с того берега? Шаткий очерк родного холма!

Взятый скорб разбирать или бережно, Повторять, что скопила молва!

Мы ли там? иль не мы? каждым атомом Мы – иные, в течение река!

Губы юноши вечером матовым, Не воскреснут в устах старика! [1]

Бывало такое?

Вы стояли возле своего Дома в детстве?

Наблюдали, слушали звуки его?..

Они неприхотливые, незамысловатые, самые что ни есть простые, бытовые.

Где стояли? а всё равно где, там и хорошо будет.

Главное, чтобы было всё слышно и почти всё видно, почти... Если не видно, то всё фильмом перед глазами, заучено наизусть...

Не стояли, не слушали?..

Ну, так постойте, послушайте, сбегайте в воспоминание. Оно Ваше такое, какое есть, не отнять, не изменить, не переписать.

Вслушайтесь в пробежавшее, неповторимое в сути своей, там много всего, что захотелось бы вновь ощутить, потрогать, посмотреть и услышать...

В возрасте детском такого не понять, не прочувствовать, а в зрелости, вы такие, что были тогда, и другие, вы взрослые, детством воспитанные, пропахнувшие им, просто жизнью пронизаны...

Вы временем обвешены, знанием обременены и воспоминаниями загружены...

Вы видите?! Вы слышите?! Вы чувствуете?!

Улица, далью лет скрытая, детством и юностью овеванная, ребячьими криками заполненная...

Затерялась в памяти своими домами и заборами, зимами и морозами, друзьями и соседями, вечерами и лунами, да лаем собак...

Чередой образов встающих в сознании, проявляясь ясными, живыми картинками, нанизанными на бусах времени...

Зима...

Снег небольшой, идёт медленно, большими хлопьями, укладывается на всё, что под небом, теряется привычность взгляда, обновляется.

Смотрю на Дом, мой Дом.

Сруб деревянный, наличники голубые, завалинка охватывает по низу, для тепла.

Поленница дров вдоль забора, на улице, ведь никто не возьмёт, посовестится.

Стоит в огороде стог, весь в снегу, а вокруг всё утоптанно конём и видны собачьи следы, порезвились, однако, день-деньской стоял лай. Облаивал коня до надоедливости, до хрипоты своей. Знать любит его!

Стайка старенькая к земле присевшая, вся скромная, застенчивая, а в ней...

Пофыркивание коня, да глухое мычанье из нутра рождает корова, слышные её тяжёлые вздохи, зовёт хозяйку, доиться пора, молока прибыло...

Явственно представляется медленное пережёвывание сена.

Кто-то подошёл к колодцу, лязгает цепочка, ведро полетело вниз, послышался удар видимо о лёд, что урожайно вырос по стенкам колодца, затем цепь натянулась и, чуть поскри-

пывая, давно смазанным воротком «скрип-скрип...» ведро потянулось, задевая наросший лёд, чиркая, коловоротом наверх.

Потом всплеск, и полные вёдра чистой, прозрачной воды повисли в чьих-то руках.

Рядом повизгивая, крутится чёрная с прогалинами собачонка, вся радостная, что увидела своего, для неё родного, и всячески оказывает посильную собачью преданность.

При этом внимательно заглядывает в глаза и виляет хвостом так, что за ним и сам зад собачий ходуном ходит, то кто-то из родных вышел к колодцу за водой.

Следом раздаётся стук топора, рубят толстые поленья для растопки печи и вот уже совсем скоро маленькой тоненькой струйкой потянулся дымок из трубы, пахнуло смолой лиственки, пошла тяга...

Вскоре дым пошёл споро, клубно, и взвился вверх.

Хорошо видно его на фоне зимнего неба, морозно кругом...

При морозе дым свечой вьётся в небо и там пеленой рассыпается и неторопливо исчезает в поднебесье.

Ещё не темно, но серость вечера всё-таки медленно и уверенно наползает на день, он пятится, сопротивляясь, отползает куда-то и прячется до завтра.

Какой-то миг и темень уже охватила округу.

Там и здесь в домах зажигается свет.

Светящих окошек становится всё больше, там жизнь своя течёт, бежит по руслу проторённых дорожек, крутится, вертится...

Упали по снегу жёлтые пятна света от окон, временами перечеркиваясь хождением жильцов в избе.

И лай собак, куда без него...

А на небе вдруг начинают проступать светящиеся точки, из каких-то грандиозных глубин они врываются своим неземным светом к нам на маленькую планету, к нам домой, на нашу зимнюю улицу.

Улица наша тоже освещена этим неземным светом, а значит и очевидец этого...

Подобно поплавам светящимся они выпрыгивают из бездн бесконечности, загадочные и непознанные в своей далёкости.

Через мгновение или несколько минут, что за диво! выхватывается на небе уже целый сонм звёзд.

Сколько их?.. Миллионы, миллиарды?.. Сколько?..

Через всё небо разметался хвост космического чудища, что пролетел над галактиками и оставил свой шлейф млечного пути.

А точек всё больше и больше, не сосчитать...

Уж! какой раз пробуете, напрасно всё, счёт сбивается, и сокрушаешься поэтому, почему не получилось?..

Заворожён, очарован великолепием и глубиной непостижимого, убегающего в беспредельность сущего, не высказать!..

Поразительно, но звук возвращает разгулявшееся воображение назад, на улицу...

Где-то недалеко под самым этим небом слышится скрип снега, да, да хруст морозного снега.

Спешит путник в тепло, к очагу, к ужину, а главное к родным.

Его совсем не видно только звук, только скрип снега под валенками спешащего домой человека.

По пути его всенепременно облаивают собаки, они вдруг встрепенулись, заголосили, причина же есть, вот пешеход, он вторгся в их тишину, тревожит их, как он посмел...

И не без этого, хлеб отрабатывают, а потом колотун и стынь вокруг, брехнул в пространство и гляди..., высказал признание хозяину, мол, сторожу, и теплее стало.

Начинается перекличка, любимое зимнее занятие «цепных» сторожей, даже захудалый, ленивый пёс тявкнет, не забудет. А тут и луна приспела, как не повить, да не полаять на неё...

Луна!..

За домами выплывает пятном жёлтым, с кругом вокруг, она в диске, что за диво?

Необычно как-то!..

То преломление лучей небесного светила и разложение в спектр лучиков в мельчайших кристалликах льда, что носятся в пространстве небесном.

И её свет из глубин теряющихся, да прямо на простую поселковую улицу...

Размах жизни! из пространств, да прямо на нас...

Что такое?.. что за грохот? где-то почти рядом ритмично застучали колёса бегущего поезда, однообразным аккордом куда-то вдаль помчался товарный, а может и пассажирский.

Он почти рядом, но нет, то обман морозного воздуха сказывается.

Смотрю на Дом, мой Дом...

Размеренная жизнь.

Там тепло, уютно, там Мама, Отец и сёстры, там пахнет щами, жаренной картошкой, немудрёное блюдо, от Мамаи коровой и молоком, там пахнет котом, пахнет Домом, как же я соскучился по нему!

«... Домой!», – пронзает зиму чей-то зов... «... Домой!», – повторяет не понятно где зовущий...

Меня ли зовут, понять не могу, возможно, друга, а может и на соседних улицах крик раздаётся: «Домой!»

«... Домой!»

Туда в уют, в тепло и ничего, что поворчат, так надо, без этого никак нельзя, такое ворчание сейчас слаще музыки всякой...

Ворчите...

Уклад жизни, всё так, как положено, временем, веками положено...

Но вот всё меняется, куда-то уходит...

Сейчас звуки другие или охват восприятия ужася.

Был детский живой, запоминающийся, а сейчас взрослый и как-то совестливо мелкий...

Мы стали стыдиться перед такими же взрослыми восторгаться красотой, выражать чувства вслух к живому, славному, чудному и поэтичному...

Забываем мы, что каждый человек, подобен Ему, о котором все не говорится...

Где это ВСЁ?..

Всё слышится через время и целую жизнь зов детства – «... Домой!»

Бывало такое?..

Вы стояли возле своего дома в детстве?..

ноябрь 2021 года

[1] Строки из стихотворения Брюсова Валерия «Это я»

РАННЕЕ УТРО. В ПОСЁЛОК

Раннее утро... Поёживаясь от утреннего холодка и свежести, выбегаю на улицу, умываюсь и выгоняю из себя остатки сна и постельной лени. Рукомойник на улице, вода прохладная, налитая Мамой с вечера. Рядом крутится Шарик, тоже потягивается, выгибая спинку и сладко зевая. Сегодня едем с Отцом в районный центр, посёлок, расположенный в двенадцати километрах от дома, где мы живём на закрытом золотом прииске, жители которого частично уже переехали и все основные административные конторы тоже переехали в райцентр. Шарика не берём, он остается с Мамой, будет охранять наш дом и хозяйство. Посматриваю в сторону своего любимого места, где встаёт солнце. Жду его! Медленно выплывает из-за горизонта его шар. Наблюдаю... Не часто приходится так рано вставать и видеть его восход. Каждое явление природы чудесно и удивительно в детском восприятии, а восхождение солнца великолепно вдвойне! Много занимательного скрывается в этом действе. Меняются краски утра вокруг, освещение предметов ежеминутно сменяются, распускаются цветы, закрывающие свои бутоны на ночь. С появлением первых лучей, оживают птицы, да и я сам радуюсь несказанно всему, что происходит вокруг, я встраиваюсь саму канву течения жизни.

Солнце поднялось над соседним леском, облило своими лучами деревья, траву, цветы, которые не замедлили повернуть свои головки в сторону тепла и света родного светила. Встрепенулись птицы, расправили крылья, пёрышки и затянули свои неумолкаемые песни. Чирикание, посвистывание и трели огласили окрестности и вместе с лучами солнца в хоре, всё запело, зазвенело пробудившись. Как красиво и мило кругом в этом вечном водовороте жизни! Мне и хочется и не хочется уезжать, но дорога привлекает, много нового можно увидеть.

Мама нас накормила, Отец проверил ещё раз телегу, колёса, ось которых смазал солидолом, запряг коня. На «транспорте» уже с вечера накошенная трава, для корма коню. Я уселся на плащ, которым покрыта трава, чтобы не холодило и брюки влажными от росы не стали – знаю, пройдёт немного времени и всё высохнет. Всё готово и мы трогаем... Шарик завывает от горя... Привязан! Как так? Не берут его с собой? Ведь конь запряжён и уезжает!.. Папа натянул вожжи, цокнул по-особому (звук, понукающий коня трудно словами передать), при-

бавив при этом «Но!» и телега, покачиваясь на ухабах дороги и кочках, покатила послушная коню, а тот в свою очередь, послушный вознице. Оборачиваюсь назад и вижу Маму, стоящую возле крыльца дома. Правая рука её, прикрываясь от солнца, приподнята ладошкой ко лбу, всё стоит и смотрит... Грустно как-то, хочется поплакать... Так я и делал... Под стук колёс и скрип телеги я тихо, чтобы не слышал Отец, плакал о чём-то грустном, несбывшемся, необъяснимом, о чём? А я и сам не смог бы ответить, но что-то томило меня, звало куда-то, одновременно, прощаясь... Много раз приходилось уезжать из родного дома, а Мама, провожая меня, всё оставалась у крыльца, у ворот до тех пор, пока я не скрывался из виду. Сквозь пробежавшее время и годы до сих пор слышатся её тихие слова молитвы, благословляющие в дорогу: «Господи, спаси и сохрани! Господи, благослови!» Фигура, одиноко стоящая, меня и приводило в такое состояние.

«Спаси и сохрани!..»

Дорога от дома, после изгородей заворачивает налево и попадает в лесок. Ели, густо растут друг к другу, создают сплошную стенку, не проходимую для лучей солнца. Здесь ещё хранится прохлада утра. За ельником следует марь, местами труднопроходимая, приходится коня брать под уздцы и вести более сухими безопасными. Меня обилие картин отвлекает, начинаешь сосредотачиваться на увиденном... Лучи солнца пригревают, становится жарковато, и я решаю скинуть тёплую одежду. Смотрю на происходящее предо мною, как в первый раз. Мелкие птички вспархивают из травы, кузнечики разлетаются в стороны, куропатки внезапно вылетают из насиженных мест... От этого конь шарахается в сторону, пугается, но быстро приводится в норму опытной рукой и голосом Отца. Проехав марь, мы подъезжаем к горке. Мне она интересна тем, что на вершине построена геодезическая вышка (я и выговорить название её не мог), вершина которой видна издалека. Строение её просто, а мне представляется она загадочной... По лестнице, расположенной внутри строения, попадаешь на площадку, с которой видны окрестности на далёкое расстояние, видны пространства, где я ещё не был... Там в далёкой дали интересно и завлекательно, там, рисуется мне, много необычностей...

Перед горой мы всегда останавливаемся возле ключа природного. Вода бьёт из-под земли и всегда холодная. Мы осторожно пьём, чтобы зубы не ломило и горло не застудить. Набираем студеную воду в подготовленные ёмкости и начинаем подъём в гору. Он трудноватый для запряжённого коня, для облегчения повозки, идём пешком. Слева показалась вышка, значит мы на вершине! Дальше будет легче... Спуск более пологий и путь наш петляет по лесной дороге, которая рассекает тайгу на две половины. Далее мы попадаем на луга, покрытые обильно цветами и травами, цветов много, разных, от этого красота его, луга, только возрастает. Лёгкий нежный ветерок временами приносит чуть больше, чуть меньше ароматов цветущих лугов... И везде, в воздухе, звучит симфония голосов птиц в сочетании со стрекотом кузнечиков. Песня жаворонка звонкая в виде непрерывной быстрой трели, протяжный тонкий свист овсянки, синицы громкая трель, заканчивающаяся как бы треском... Звуки непередаваемы, они завораживают, правда сюда примешивается скрип телеги и фырканье коня, но это ничего, не портит песнь жизни. Под эту песнь поспать бы, но расслабиться и уснуть не удаётся, под колёса, всё чаще, попадают камни, кочки и телегу постоянно лихорадит на ухабах. Скоро будет посёлок, осталось немного... Конь мотает удилами, пофыркивает, бежит, не ленясь. Скоро хозяин даст отдых и травы вдоволь...

В посёлке, заезжаем в гости к дяде Роману, папиному брату. Дом его находится недалеко от въезда в посёлок, конечный на улице, названной в честь самого великого вождя всех народов. Улица перед окончанием раздваивается, налево уходит к аэропорту, а прямо в самый раз к дому моего дяди... Он всегда с шуткой и улыбкой под мохнатыми чёрными бровями, при абсолютно белых седых волосах, встречает нас.

– А-а!? Маёр приехал! – приветствует он возгласом.

Меня всегда, почему-то называет «маёром», почему? Не знаю! Может от воинского звания майор? Но я привык, «маёр», так «маёр»... Черты моего дяди правильные, резкие, он даже красивее моего Отца. Папа немногим мягче своего брата, и чертами и характером, лицо слегка шире. Пока Отец распрягает коня и даёт ему заготовленный корм, они перебрасываются короткими фразами о своих новостях, делятся какими-то впечатлениями... Мне интересно наблюдать за ними, они родные братья, очень похожие и в тоже время разные. Между ними год с небольшим разницы в возрасте и дядя чуть ниже ростом, он младше... Общаются уважительно, обходительно друг с другом. Не удивительно, столько вместе прошли, такое пережили, остались едва живыми... Видимо хранил Господь.

Собака встретила нас громким лаем, её убрали под навес, но она и там всячески облаивает. На неё шикают, но бесполезно. Рвёт и мечет! «Чужие» посмели забрести на её территорию, да ещё и другим псом пахнут. Это никуда не годится...

– Славно отработывает свой хлеб, – замечает Отец и улыбается, а я бы подошёл, но боюсь, может укусить, ведь на лбу у меня не написано, что свой, племянник его хозяина. А-а-а! Что взять-то с него, одно слово – пёс... То ли дело у меня, Шарик, друг мой развесёлый!

Вышла тётя Клава, пригласила в дом, чай пить, пока обед готовится. Заходим... В доме пахнет не так, как у нас, и дом больше нашего, немудрено, покупался для большой семьи. Просторные сени, там и останавливаемся, лето на улице, а в сенцах полумрак и прохлада, на полу половики разноцветные, уютно... Здесь я не первый раз, но чувствую себя в гостях, я всегда был прилипшим к своей семье, к Маме, а если её рядом не было, к Отцу или к сёстрам и больше никто не мог меня очаровать, даже родной дядя, ни с кем не могли оставить, ни на миг. К стыду своему, я закатывал такой скандал и поднимал рёв, что ничего не оставалось делать, как брать меня с собой... Никакие уговоры ни к чему не приводили, решимость моя была стальной, а воля непошатной. С улыбкой пишу сейчас эти строки, сын такой же рос, ему нужны были только мама и папа, бабушку и дедушку любил, родителей жены, но мы были

в гораздо большем приоритете. «Что за ребёнок? Остальные дети как дети, любят оставаться у нас, а этому подавай только родителей», – недоумевали они...

Перекусив наскоро, оставив коня у дяди, мы отправились с Отцом сначала по делам, которые требовали немедленного решения, в центр, а потом к моим сёстрам, они жили недалеко, метрах в двухстах, в двухэтажном доме, но об этом ещё будет рассказ, а пока вернусь к родным братьям, замечательные были люди они. Не писал ранее, а обойти невозможно о том, что они оба обладали такими красивыми голосами, что на праздниках, когда случалось застолье, если они начинали петь, то все смолкали и затаённо слушали их... Сейчас бы послушать Вас, мои родные, послушать не только песни душевные, но и рассказы ваши о жизни своей. Рассказали бы Вы о том, как пригнало Вас из Белоруссии в товарных вагонах бесовское племя, строившее светлое будущее на костях ваших. Как пережили Вы страшное время тридцатых? Спросить бы! Да некого... Вы и теперь вместе покоитесь под нежным светом белых берёз, недалеко друг от друга... Сколько уж лет шумят над Вами берёзы и плачут дождями тучи, давно ушли Вы от нас, детей своих... Скажите, Вы нашли покой, вечные труженики? Как Вам Там?.. Но глухо ухо наше... Царство Вам Небесное! Мы помним и любим Вас!

Возвращались мы поздно, когда вечер уже касался нашего края. Луна, светившая сквозь ветви деревьев, поднималась из-за леса и бежала с нами по пути... Куда она стремилась, ко мне или по своей надобности? А вместе с ней, не отставая, бежала и тень от коня, телеги и фигуры Отца на телеге... Начинаясь чудная летняя ночь, виденная мною много раз, но в этой было что-то особенное. Что? Не знаю... Быть может, я думал так о каждой ночи, что они особенные, может быть были какие-то особенные мысли мои, скакавшие с одного предмета на другой и часто на одном долго не останавливаясь. Я смотрел на луну и вспоминал ту, которая всходила над леском, где жили Алейниковы, виденная от нашего дома. Там она вставала и шла по небосводу мимо, а эта бежит за нами. И чем быстрее мы ехали, тем быстрее она следовала за нами, а когда остановились, то и она остановилась, в нетерпении ожидая нас... Зачем? Охраняла нас? Что ей надо было? И когда тронулись опять в путь, тронулась и она... Я лежал и смотрел вверх... Убегающее небо, свет блеклых звёзд, при яркой луне, сама луна... Была в этом какая-то торжественная красота непостижимого... Добавлялась прелесть мягкого скрипа телеги, фырканье коня, сидящая фигура Отца на фоне этого далёкого неба, всё складывалось в своеобразную гармонию вечера... Хорошо-то как! Телега катила дальше, вот и гора, а дальше ключ со студеной водой и начинается марь... Скорее бы домой, скорее... Вспомнил Маму, провожающую нас, скулящего Шарика... Они ждут нас! Вот сейчас сию минуту стоят возле дома и вслушиваются в звуки вечера, не скрипнет ли телега и не послышится ли голос Отца: «Ну-о!.. Поживей давай!».

И стало на душе как-то спокойно, езда укачала, набежавший сон сморил меня до самого дома. Очнулся от скулившего в радости Шарика и голоса Мамы. Я посмотрел на луну. Той, что бежала за нами, уже не было, а была другая, которая стремилась мимо нас по небосклону...

Куда?.. Зачем?..

В ПЕРВЫЙ КЛАСС

*То было много лет назад.
Я тоже в первый раз,
С толпою сверстников-ребят,
Явился в школьный класс.*

Сергей Михалков

Нас, маленьких человечков, привели за руку в стены нашей школы и ввели в класс. С трудом оторвавшись от моих сестёр и постоянно на них оглядываясь, я сел за парту и сложил руки, как показали, одна на одну. Я весь превратился в само внимание...

Я первоклассник! Ещё не осознавая в полной мере всю ответственность моего нового положения, я интуитивно чувствовал, что в моей жизни что-то серьёзно поменялось. Пожалуй, это было первое моё вступление в новую для себя роль... Это радовало и тревожило одновременно.

Так происходит в жизни и перемены должны случаться и должны обновляться окружающие люди, обстановка, предметы и увеличиваться требования к себе и окружающим к тебе. Перемена мест и желательна и необходима, чтобы всё естество наше не прирастало к одному месту, с которым срастается органически, мы как бы вырастаем в него и от которого не так легко освободиться. Ценность перемены мест и частых передвижений в том, что ты не притягиваешься незримыми нитями к каждому из окружающих тебя предметов, и сознание не делается благодаря этому неподвижным. Тогда я ещё не знал, что эти перемены я с лихвою прочувствую на себе, и частые переезды станут естественным образом моей жизни.

Первый класс. Школа №156, май 1964 года. Я в верхнем ряду, пятый слева

Летом необходимо было подготовить документы для оформления меня в первый класс. Отец привёз меня в райцентр и мои сёстры должны были пройти со мной все инстанции по сбору нужных справок и пройти проверку моего здоровья у врачей. Родители оставались

на Крутом, у них не было возможности оторваться от ежедневной работы. Несколько дней меня водили к докторам, где проверяли слух, зрение, горло, выслушивали сердце, стучали пальцами по груди, брали анализы крови и... и всего остального... Мне нравились похождения по инстанциям и прохождения докторов, было весело, интересно и тем, что в нашей компании была девочка, моя ровесница. Она была младшей сестрой Олиной подруги. Подготовкой к школе также занималась её старшая сестра. Пройдя всё и вся, подготовив документы, Оля отдала их в школу и меня зачислили в первый «Б» класс. Назад к родителям, под кров родного дома ушли пешком, наслаждаться остатками беззаботной дошкольной жизни. Отца не ждали, когда он за нами придет. Двенадцать километров одолеть без транспорта было привычным делом для сестёр, а я шагал бодро, стараясь и вида не подать об усталости. За работой на покосе, огороде, собирая грибы и ягоды, купаясь в чистых озёрах, загорая в свободное время, мы и не заметили, как пролетело лето и подошло время собирать себя морально и физически в школу.

...Итак, сидим за партой, молчаливы и сосредоточены, ни тени баловства или просто лёгкой шалости. Слушаем внимательно – требования, правила поведения в школе, расписание уроков и какие будут в ближайшие дни. Поглядываем на родных, они стали возле стены, наблюдая и слушая происходящее. Скоро они вышли из класса, и мы остались одни с учительницей Галиной Фёдоровной. С ней, с нашей первой учительницей, мы зашагали по школьным годам до пятого класса, изредка теряя нерадивых учеников, которые по неуспеваемости оставались «на второй год». Звучало, как приговор – «На второй год».

Попасть под этот приговор было одно из самых постыдных. Галина Фёдоровна умело вносила знания в наши лопухие головы, да лопухие, уж у меня – точно, соответствующие возрасту и уровню сознания. Мягкая, негромкая, в ней одновременно уживались и твёрдость и умение заставить себя слушать и внимать урок. Сейчас внимательно смотрю на её фотографию и, возможно впервые, понимаю, что была она красива, не той яркой сразу бросающей в глаза красотой, а внутренней, мягко проступающей из души. Была в ней какая-то особая притягательная сила...

Карасова Галина Фёдоровна, учитель начальных классов

– Мы писали, мы писали, наши пальчики устали. Мы немножко отдохнём, и опять писать начнём! – прерывая урок, Галина Фёдоровна переключала наше внимание, на так называемые, физкультминутки и после выполнения нами их, продолжала занятия по предметам. Многие запомнили эти «пальчики» на всю жизнь... Запомнил и я!.. Применялись эти физкультурные минутки по методике известного русского физиолога А.А.Ухтомского, который открыл чудесную способность организма человека настраиваться на выполняемую работу. Если учитель правильно использует эту способность, то он поможет ребенку более успешно трудиться на уроках чтения и письма. Эту же методику я замечал на детских концертах, когда внимание маленьких человечков, быстро рассеивается и начинает отклоняться от идеи концерта, тогда ведущий проводит с ними какую-либо игру... После переключения внимание возобновляется у юных зрителей...

Не раболепствовали мы перед учителями, а чинопочитали их, в хорошем понимании этого слова. Проходя мимо кабинета, где висела табличка «Директор школы» мы автоматически делались дисциплинированными, немного «правильнее»... Учитель приобретал в наших глазах именно роль Учителя, не преподавателя, не того кто отчитал свои часы и с глаз долой, а человеком способного не только донести знания, но и подвергнуть внутреннему преобразованию процессы мыслительного действия. Этого естественно тогда не знали и не замечали, только годы спустя, вспоминая и анализируя школьную пору, приходишь к подобным выводам, сколь многое дали нам учителя школ...

Старое здание, куда мы были зачислены в первый класс и которое по окончанию восьми классов покинули, перейдя в среднюю школу, не сохранилось. Оно было уютным и тёплым, с разветвлениями коридоров и «карманами» для сопутствующих помещений. Здесь учили преподаватели старой закалки, которые могли и линейкой «измерить» лысину, если она забывала, как надо вести себя. Нина Моисеевна, Любовь Алексеевна, Тамара Владимировна, Ольга Константиновна, Ирина Николаевна и другие, простите, что не всех упомянул. Умели учителя раньше создать понятие храма знания, коей и являлась школа.

Удивительная и колоритная Нина Моисеевна! Учила оригинально! До сих пор помню её уроки физики, когда она объясняла что такое молекулы и атомы. Себя представляла молекулой, а атомом какого-либо ученика – говорила:

– Видишь, какая я большая, а ты маленький по сравнению со мной и, когда ты сталкиваешься со мной (при этом она толкала ученика), то я передаю тебе энергию, – ученик отлетал от неё, но энергия памяти и благодарности об этой учительнице оставалась на всю жизнь.

Не забывала огреть линейкой зарвавшегося недоросля. Правду скажу, побаивались мы её, строга была. Она была завучем школы и провинившиеся ученики попасть к ней на «ковёр» считали за пренериятное наказание! Воспитание, право слово, было самым плодотворным у Нины Моисеевны! Одним оком поведёт, и ученик знал, как ему себя вести.

Никто никогда не жаловался родителям – виноваты-то сами.

Любой учитель мог сделать тебе замечания, а ты внимай и слушай и, чтобы бегать по школе, кричать, да ещё и в шапке?.. Преступлению было подобно, наказывалось тут же, на месте. Действенным наказанием было поставить «под часы». В центральной части школы, холле, висели часы, под ними и ставили провинившегося ученика. На перемене, при всех стоял проказник под улюлюканье собравшихся, но если ловили на «дразниловке», то рядом под часами оказывался этот смельчак.

При входе в школу со двора, сразу направо был буфет, притягательной силой обладал он и манил первоклашек вкусным чаем и коржиком, иногда кольцом, густо посыпанном какими-то вкусоностями. Надо было сдать учительнице всего лишь десять копеек, всего-то..., но и они порою отсутствовали, а твои товарищи на перемене уминали за обе щёки эти самые коржики. Коржики – какая малость! Но как хотелось их! когда отсутствовали в кармане несчастные десять копеек...

Через годы и годы, вспоминая школу, учителей, хочется сказать: «Сердечное спасибо!», – и сделать низкий поклон Вам, наши дорогие Учителя! В нашей юности профессия учитель была не только уважаема, но и престижна. А многие учителя были от Бога.

Одесса, июль 2019 года

НА КВАРТИРЕ КОММУНАЛЬНОЙ

Два первых класса начальной школы жил я с сёстрами в коммунальной квартире. Общая кухня на трёх хозяев, мы занимали одну комнату, которая была закреплена за нами. Если не подводит память, предоставили её в пользование старшей сестре Ирине, а она на момент моего поступления в школу, уехала из Магдагачи и жила у родной тётушки в Кемеровской области. Позже, после окончания школы, к ней уехала другая сестра Оля. Там они и остались жить, появились семьи... К ним в городок Юрга я смог приехать только после девятого класса, в городок чистый и уютный, от которого веяло ухоженностью и провинциальностью.

Соседями по комнатам и кухне были, одинокая пьющая женщина преклонных лет и мужчина лет тридцати пяти. Работал он на железной дороге путевым обходчиком в бригаде, проверяющей пребывающие составы, вдруг где-то колёсная пара имеет дефект. Помню ощущение, с которым провожал его на работу, в зимнее время, в ночную смену... Мороз понижал отметку на градуснике ниже тридцати. Смотрел я в окно на горящий багровым пламенем закат, на узоры инея на окне, слушая тревожные сигнальные гудки паровозов, ко мне закрадывалась жалость... Как можно работать в таких условиях? Был он безобидный, даже с заботливым участием к нам, детям, чего нельзя было сказать о женщине... Она по какому-то праву, понятному только ей, посчитала себя хозяйкой на кухне и частенько высказывала вслух своё недовольство. Молча, сёстры и я, выслушивали её продолжительные «разговоры» о том, какими нам надо быть в её понимании. Оля пыталась что-то возражать ей, но тем больше доводила нашу соседку до белого каления. Что сильнее распаляет разнужданных людей, как то, что они не получают достойного отпора, никто не «разговаривает» на их языке.

Дом, в котором мы жили, был двухэтажный, деревянный с двумя подъездами. По улице, на которой стоял он, было десятка два. В зимнее время дома отапливались дровами, и весело струился над ними дым, окутывая окружающее, дурманящим запахом готовящейся пищи и мы знали где, у кого, что вариться. Даже, если дома было приготовлено тоже самое, то хотелось, страсть, как хотелось поесть у соседей и часто это удавалось... Все знали друг друга, про всё знали друг о друге, мы были как на ладони, поэтому отношения царили, в основном, добрососедские, но не без исключений... Наш дом был последний, по правой стороне, как идти к аэропорту, сейчас его нет уже, снесли... Многие подобные дома, стоят полуразрушенные, пугают жителей своей пустотой, нежизнью, глазами пустых окон. Детский смех, перемол прохожих бабскими языками, обстоятельный разговор мужиков, сидящих на брёвнах, курящих самокрутку с махоркой, сплёвывающих попавшуюся крошку наземь, переместился в другие дома. Той беззаботности, что царила выходными днями уже нет. Время закрутило в вихре по добыче прибыли, а многих заставило добывать в поте лица хлеб насущный, с трудом сводя концы с концами.

В один из весенних дней я пришёл со школы радостный, на уроках у тебя всё получается, тебя похвалили:

– Молодец! – сказала Галина Фёдоровна, учительница наша.

Внутри играет музыка от всего сказанного тебе, прекрасного вокруг и все люди вызывают любовь и доверие... Вы же помните такое состояние! Потолкался с ребятами нашего двора. Время было в начале весны, когда полно и сильно она охватывает природу, всё вокруг пахнет по-другому, по-весеннему... Вся детвора в это время высыпает наружу из домов и квартир, заставить сидеть в помещении не представляется возможным. В этом же доме на площадке по этажу жила моя двоюродная сестра Лилия, дочь дяди Романа. Радостный, с весны зашёл домой и с порога ударил в нос стойкий запах алкоголя, я вжался в себя, мигом проскользнул в свою комнату... Буду ждать своих сестёр. Знал, чем оборачиваются подобные «запахи» – для нас скандалом.

Пришли Оля с Валею со школы, и выползла из своей конуры «хозяйка». Как противны пьяные люди, нужно ли рассказывать... Наша соседка завелась с пол оборота, причину подыскала заранее, видимо накопилась у неё тёмная энергия и надо было ей выплеснуть на кого-то. И случай такой подвернулся, можно оторваться на моих сёстрах... Вот у кого можно подзарядиться чистой и здоровой энергией, выкинув свою отрицательную... Такие люди являются по своей сути энергетическими вампирами. Энергетический вампиризм – это расхищение чужой энергии, то есть силовой забор энергии у людей. Часто можно встретить в источниках, что вампиризм по сути своей является заболеванием, которое буквально заразило человеческие взаимоотношения. В его основе – бездуховность людей. Каким образом люди могут выйти из этого состояния? Только меняя свою энергетическую сущность, наполняя свою душу любовью и радостью.

Вряд ли соседка осознанно так поступала, скорее вследствие разнузданности характера, но нам от этого было не легче. Разойдясь в своей пьяной ярости до предела, она обзывала девочек словами недостойными для письма... Не знаю, до каких мерзостей она бы дошла?... Но рано или поздно всё это должно было прекратиться существовать, что-то должно случиться, которое обрежет щупальца безобразию. Такое случилось! В самый этот момент зашёл Отец. Видимо его прислало Божье провидение, как впоследствии шутили мы... Мгновение, постояв, остолбенело, он влетел в кухню, где бушевала «хозяйка». Бранные слова оборвались на полуслове, ужас застыл в её глазах... Через миг она, как ошпаренная, вылетела из кухни и устремилась в свою комнату, преследуемая Отцом... Таким разгневанным я видел его несколько раз... Страшен был в ярости! Из подобного состояния в нормальное могла его привести только Мама. Дверь в свою комнату соседка не успела закрыть и голос его громкий, порою переходящий на зловещий шёпот был слышен нам. Что убеждающее он ей говорил, но хмель у неё, как рукой сняло, а выйдя к нам она попросила прощения... Более заботливой соседки после инцидента трудно было сыскать. Какими «наговорами» и «шептанием» Отец излечил соседку от злобы против нас, не знаю – видимо, были они очень убедительными. Жизнь с тех пор потекла спокойная, отношения наладились. Кухня стала площадкой добрососедских разговоров, из окна которой по утрам виделся розовый восход солнца, которое выплывало из-за сопки, что раскинулись чередой за Нижним посёлком.

Этажом ниже, под нами, жила женщина с сыном, и была она в полном смысле слова «не от мира сего», в посёлке, иные помыкали ею, особенно пацаны, которым попади на язык, изведут со свету, и звали её баба Феня. Гурьбой следовали за ней неуёмный мальчишеский народ, где бы ни завидели, хором кричали вслед, преследуя:

– Феня – дурочка! Феня – дурочка! Феня, сколько время? – на что она, оборачиваясь, как бы отбиваясь от них, говорила, махая рукой.

– Не бунтуйте меня, не бунтуйте..., – или, – Вы меня совсем забунтовали...

Взрослые же относились к ней, скорее с жалостью, как к ребёнку, которому много лет, кому нужно сочувствие и элементарное понимание, и ниоткуда её не выгоняли. Она присутствовала на поминальных обедах, которые не пропускала ни в каком случае и, где ей давали с собою впрок всякой еды, а также грелась, заходя в магазины и зал ожидания на железнодорожном вокзале... Была в ней какая-то тайна, что ли, скрытая от глаз людских, захоронена. Доброхотливые языки поговаривали, что была в прошлом эта баба Феня дворянского происхождения и вполне нормальным в обычном понимании этого слова человеком и был муж, семья и, как результат – родила сына Ивана. Ваня в обращении был прост и не чурался возиться с малышами, каким был я в то время, был начитан, насколько мне позволяло судить моё начинающее образование, много читал какую-то литературу детям. Я был часто у него в гостях...

Как он прожил свою жизнь? Не знаю... Опять же, поговаривали – плохо, но да Господь ему судья, не люди... Конечно большого следа они не оставили, но память нет, нет да и цепляется за моменты, связанные этими бедовыми людьми, выхватывается кадр бегущей детворы,

наперебой дразнящей, этого блаженного человека... Почему вспомнил? Не только потому, что была когда-то соседкой, а ещё и потому, что по отношению к таким людям «не от мира сего», можно судить о моральной стороне жителей местности, в которой и проживал такой человек... Кто читал «Житие святых», должен знать о жизни блаженного Прокопия Праведного, подолгу сидящего на берегу реки, молящегося за неведомых путешественников, плывущих по реке, осеняя их крестным знамением. Со смехом и издёвками относились к нему, но он не обращая, ни на кого внимания, творил и творил молитвы за неведомых путешественников: «... *В день убо яко юрод хождаше, в ноци без сна пребываше, и моляшеся непрестанно Господу Богу...*» [1] Пока не случилась великая гроза и ливень с огромными градинами. Уводил тучу от города силою молитвы, умолял и уводил он людей от грозящей гибели, и увёл, и спас. И увидели тогда люди, кто рядом с ними и уверовали в него и полюбили. Так гласит предание...

Дразнил ли я? Нет! Моя Мама, как-то жёстко остановила меня в подобном действе и сумела парой-тройкой слов объяснить мне недостойное поведение.

Этим же словом, когда я уезжал поступать в институт, она запретила играть в карты на интерес и никогда не спорить, ни с кем, ни на какие темы! Эти заветы её я выполнил...

Сила Слова Матери!

[1] Слова из Жития *Прокопия*, с. 16.

В КЛУБАХ

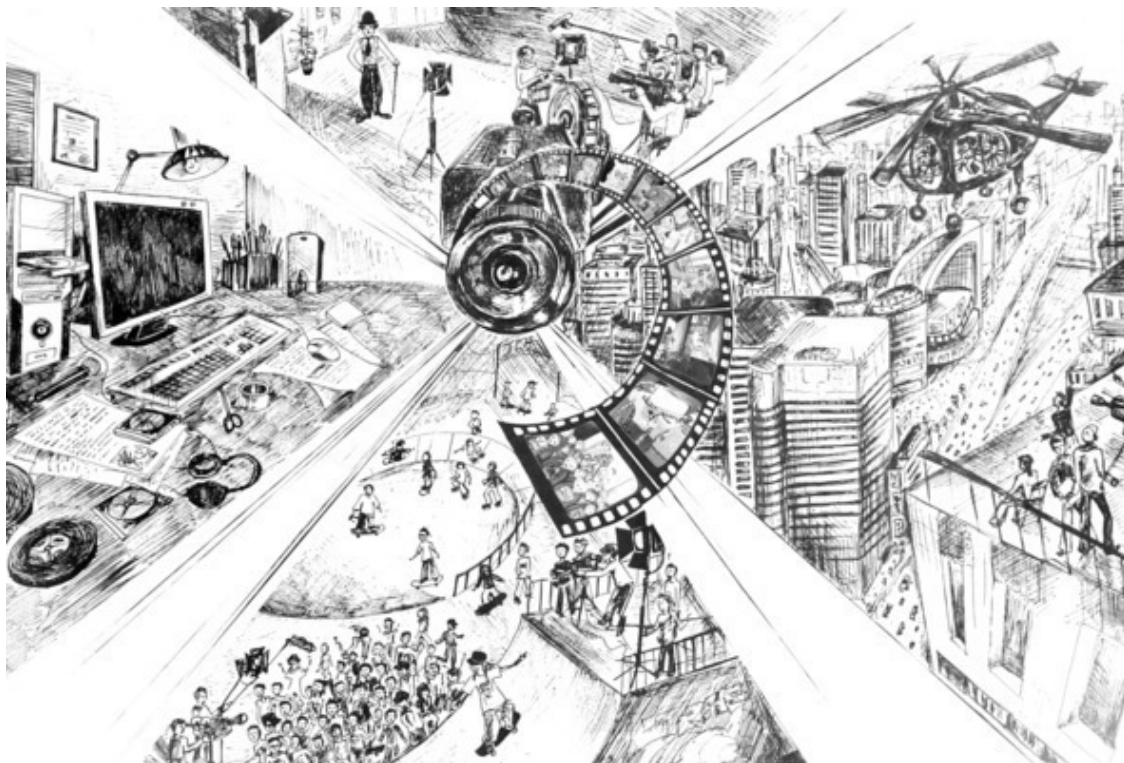
Кино за пять копеек

*Но есть кино, которое Искусство.
Из всех искусств важнее всех Оно.
Внедряет знания, воспитывает чувства.
Понятно всем – для всех одно Окно.*

Александр Ченин

Вечернее время... Сидеть дома выше сил человеческих, просто не вмоготу... Бегу в кино. Клуб, куда мы ходили в «кинушку», располагался в административном здании, что принадлежал комплексу сооружений аэропорта. Зал был маленький и всегда забитый до отказа зрителями. Ежедневно, кроме понедельника сеансы были на шесть вечера и восемь. До начала кино надо было сделать уроки, сёстры внимательны были к этому и наказывали меня сидением дома. «Сиди и делай уроки!», – звучало как приговор, слёзы не помогали, приходилось послушно соглашаться, могут ведь Отцу пожаловаться, а попадать под его пресс совсем не хотелось... Старался не проштрафиться... Получалось!..

И почти каждый вечер ходил в кино, если доставался билет, а так как народу было много и не всегда можно было пробраться сквозь толпу к входу, то оставался в этот день за бортом киноклуба. Приравнивалось к великому горю, меня охватывала грусть, я пытался прилипнуть к окну, если штора до конца не была закрыта и всё же смотреть через стекло на происходящее. Не один я был прильнувший к стеклу окна и ходил грустный... Благо форточки были открыты и звук, шедший от репродукторов, доходил до улицы, а значит до наших ушей. На вечерний сеанс детей не пускали, открывали окна, ну здесь мы блаженствовали и досматривали фильмы через створки окна и умоляли, чтобы зрители не закрывали шторы... Могут современные дети, юноши и девушки представить огромные очереди в кинотеатры, в клубы? Могут они понять тот интерес и любовь к кино, который испытывали жители любого города и городка на бескрайних просторах страны. Достань сейчас из кармана смартфон, подключи интернет и смотри любой фильм, передачу, ток-шоу...

Пробираюсь с большим трудом к входу, отдаю пять копеек... Вы слышите? – пять копеек, которые всегда можно было найти, выпросить у старших сестёр, у родителей, товарищей, занять... Я в зале! Здесь яблоку негде упасть, не шучу... Сидят, кроме стульев, на окнах, перед экраном на полу, стоят возле стенки, сидят за экраном, правда, изображение в зеркальном отображении, но это не страшно. Какая разница, в каком направлении летят самолёты или танки идут в атаку, для зрителя главное действие... Наступает момент, когда на экране пошли первые кадры, ударила по ушам музыка фильма, ты внедряешься в канву событий, глаза расширяются увиденным... Ты попал!

Весь окунаешься в процесс происходящего в кино. В тебе или через тебя текут события фильма «Чистое небо». Заворожено, не совру, находишься почти два часа в сюжете жизненных коллизий картины. Как было не пробиться на такой сеанс? Внимательно слежу за главным героем и девочкой героиней, которая влюбилась в лётчика, воздушного аса... Сцены в госпитале, сцены проезда военного эшелона по станции, где хоть на мгновение, хоть на миг увидеть бы лицо, лицо родного, любимого человека, сцены свиданий... Всё соткано из жизни, все артисты вплетены в жизнь фильма так, что ты не видишь игры в кино, а смотришь жизнь... Жизнь трудную, военную, где не всё просто решается, «как в кино», а как в жизни, через тернии... И вот финальные кадры фильма, выходит главный герой и показывает на ладони своей звезду Героя Советского Союза. И тебя не интересует, что это герой фильма, а сыграл актёр кино... Так талантливый актёр исполнил главную роль и сумел воплотить на экране человека сложной судьбы, это тот человек, на которого ты хочешь быть похожим... Последние кадры, каким великим сожалением воспринимаешь титры на экране «Конец фильма». Какая жалость! А продолжение будет? Хочется, хочется продолжения!..

Но на следующий день крутят кино «Крестоносцы», и не побежать невозможно... Фильм о рыцарях, людях чести и доблести славной, о битвах их за отечество и на турнирах за красоту, выбранных ими представительниц прекрасного пола... Шлемы, латы, щиты, мечи, копья – всё блестит на солнце, переливаясь цветами радуги. Можно пропустить такой фильм?..

За ним будет демонстрироваться в клубе «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещён», «кинушка» о моих сверстниках, их приключениях, их проделках... Фильм построен

на юмористических событиях, характерных для пионерских лагерей, где в основном отдыхало большинство моих одноклассов. И опять штурм за право прохода в зал становится реальным... Подступы к бастионам подхода заняты такими ребятами, как я и старше. Придётся атаковать, брать с боем редуты лестницы...

Герои фильма «Ехали мы, ехали», Штепсель и Тарапунька

И вот новая кинолента, говорят можно живот надорвать от смеха, посмотрим... А кино это называется «Ехали, мы ехали...», с участием знаменитых на то время Тарапуньки и Штепселя. Тарапунька, артист Юрий Тимошенко – долговязый украинец из Полтавы, его незабываемые «Здоровэньки булы!» и Фима Березин, Штепсель – коротышка, весельчак еврей-одессит, с задорным смехом и никогда неунывающий. Комедия о поездке главных героев на концерт в Москву, но вот незадача, тринадцатый вагон, в котором они должны ехать, забыли прицепить к поезду... Фильм оригинальный на половину игровой, наполовину мультяшный, с вороватой, нагловатой, шкодливой вороной, с песнями, девушками, приключениями и юмором, пронизывающим зрителей насквозь. Зал складывался пополам от смеха, а для нас мальчишек, то был настоящий клад готовых искромётных фраз. Многие в лёжку смотрели фильм, на полу. Всё и везде было забито зрителями.

И так почти на каждый сеанс. Редко, когда можно свободно и просто пройти в кинозал. Район аэропорта, дальних улиц, а ещё и леспромхоза все стекались в этот кинозальчик, всех привлекал своей дешёвизной билетов и удобством расположения. Голод на новые впечатления был высок, а читать любил не каждый, вот и заменяли на кино. Прошло несколько лет, его закрыли. Почему? Не ведаю... Разочарование было большим, привыкли люди к нему, прикипели! Ничего более не оставалось, как ходить в железнодорожный клуб...

А по пути домой нужно было проходить через стадион, в народе так и называли – аэропортовский. Был он необустроенным, без трибуны и без мест для зрителей, но он жил... Жил постоянными играми в футбол, играть приходили, и воинские части, и школьники, и наспех сформированные импровизированные команды, в основном дворовые. В летнее время, пока не стемнело, на нём было множество кричащих, снующих и ликующих пацанов и девчат. Стадион жил мальчишескими забавами, догонялками, игрой в лапту и волейбол. В углу высилась большая деревянная горка, вечно облепленная ушлыми непоседами. До блеска был отпо-

лирован её скат «пятыми точками». Сновала неугомонная детвора вверх-вниз, вверх-вниз... А когда играли в футбол серьёзные взрослые команды, за счастье было приносить и бросать в игру, выбитый в аут мяч.

«Морозко»

*Как живется сиротке без матери?
Все работаю долго без отдыха,
Злая мачеха мной недовольная.
Только батюшка ведает горюшко,
Как же тяжко живется в неволе мне... [1]*

В посёлке, кроме маленького кинозала в аэропорту, в центре был выстроен ещё в 30-х годах клуб железнодорожников, где для просмотра кино и художественной самодеятельности был большой просторный зал с балконом. В дни, когда демонстрировался новый фильм, был этот зал набит битком зрителями и, чтобы получить в руки входной билет, надо было отстоять длинный змеёвик очереди...

Долгожданный билет куплен! Не без труда... Проходим в зал через неусыпное око билетерши. Ею долгое время работала женщина, которую боялись даже профессиональные «зайцы», всё видела и знала наперечёт их возможности и уловки, поэтому проскочить в зал незаметным (я этого не делал), практически было невозможным, но они вновь и вновь продолжали придумывать новые возможности прокрадываться в зал без билета. После того, как погаснет свет, кто-нибудь из тех, кто прошёл в зал легально, под прикрытием темноты пытался открыть двери, на которых горела надпись зелёным цветом «выход» и впустить своих «подельников». Проникнув на заповедную территорию, безбилетники пытались прятаться между рядами или за портьеры. Не единожды, включался свет среди сеанса и «злоумышленники», выдворялись из зала за шкуру... Карала их беспощадно! Но удивительно, не было с их стороны мести... Билетерша выполняла свою работу, и это принималось неукоснительно...

Весной, когда я заканчивал второй класс, на экраны кинотеатров и клубов вышел новый, потрясающий детское воображение, фильм-сказка «Морозко».

«Фильм создан душой, огромной русской душой! Я с радостью буду показывать его, своим внукам и сама буду смотреть всегда с удовольствием. И не нужны спецэффекты, все просто, но качественно и с большим художественным вкусом, никакой Голливуд не дотянется и не сможет нас переплюнуть...», – так в отзывах спустя много лет написала женщина. Видимо первый раз, как и я, посмотрела это кино ребёнком, да так и осталась полна тех чувств, которыми напитал этот фильм наши детские души... Много нас, людей восторженных, воспитанных на киносказках Александра Роу, возвращавшихся много раз к его произведениям? Много! Можете возразить, дети шестидесятых?

Сидим... Кто притихший, кто возбуждённый предстоящим просмотром фильма... Ждём начала сеанса. Вокруг происходит привычная возня маленьких зрителей, хлопанье деревянных откидывающихся кресел, стоит монотонный гул переговаривающихся, в общем, как всегда. Зал постепенно заполняется. Скорее бы! Слышится топот ног нетерпеливых и их выкрики: «Давай кино!» Мы привыкли... Не у всех терпение является качеством характера. Мы разные: тихие и молчаливые, беспокойные и ёрзающие, словно имеется шило в одном месте, крикливые и шустрые – всякие... Мы дети! Как скучно было бы, если все были одинаковыми...

Долгожданный миг наступает, гасится свет, появляются черно-белые мелькающие кадры и потом на голубом фоне выхватывается название кино и слышится развесёлая, разудалая музыка, звук гармони и балалайки, внутренняя глубина которых вызывает ассоциации с Русью – матушкой и иллюстрирующие несущуюся тройку с колокольчиками— бубенцами. Фильм на противоположностях, на ярких контрастах построен, где добро и зло, где чёрное и белое, практически без середины... Проникновенно, до корней русского быта автор сказки вникает и ведёт зрителя и заставляет всмотреться в знакомые картины с детства, и русского пейзажа и крестьянского устройства...

Кадр из фильма Александра Роу «Морозко»

Ты с замиранием и трепетом следишь за Настенькой, уже влюблённый в неё, хотя и малой. То негодуешь на несправедливое отношение к ней со стороны старухи и Марфуши, то возмущаешься малодушием и бессилием старика... Уж я бы показал им всем, как надо поступать, как надо бороться с несправедливостью, ну всё внутри протестует, возмущает! Я писал ранее,

что если действие фильма увлекает, то ты с головой уходишь в суть картины и участвуешь в жизни героев, словно сам являешься героем сюжета.

Пожалей меня, Зорька ясная!
Пожалей меня, Солнышко красное!
Дай кончить вязание,
Не то будет мне наказание. [2]

И ты веришь... Как не поверить такой Настеньке? Она сама милость, само совершенство... Для неё и солнце красное службу сослужит добрую и Петя-петушок крик остановит и Морозко, очарованный ею, сотворит чудо...

Выходишь из зала ещё весь в действе фильма... И по дороге домой перед глазами мелькают то Баба Яга, то Марфушенька, вызывающая явное отторжение, то милое, голубоглазое лицо Настеньки и в душе у тебя радость, всё поёт, что так по-доброму, счастливо кончилось, словно наблюдал это в самой жизни, переживал и оно вот так славно разрешилось...

Долго ещё слышались колокольчики-бубенцы летящей в жизнь тройки... Они и сейчас звенят и тревожат, и летит жизнь-тройка по просторам Земли-матушки вдаль, вглубь наших лет... Звенят прожитыми годами, звенят невыполненными делами, звенят истраченными бесцельно моментами... Ах! Если б вернуть... Но звенят бубенцы жизни-тройки, всё скачет и скачет она в количество наших лет...

Одесса, июль 2019 г.

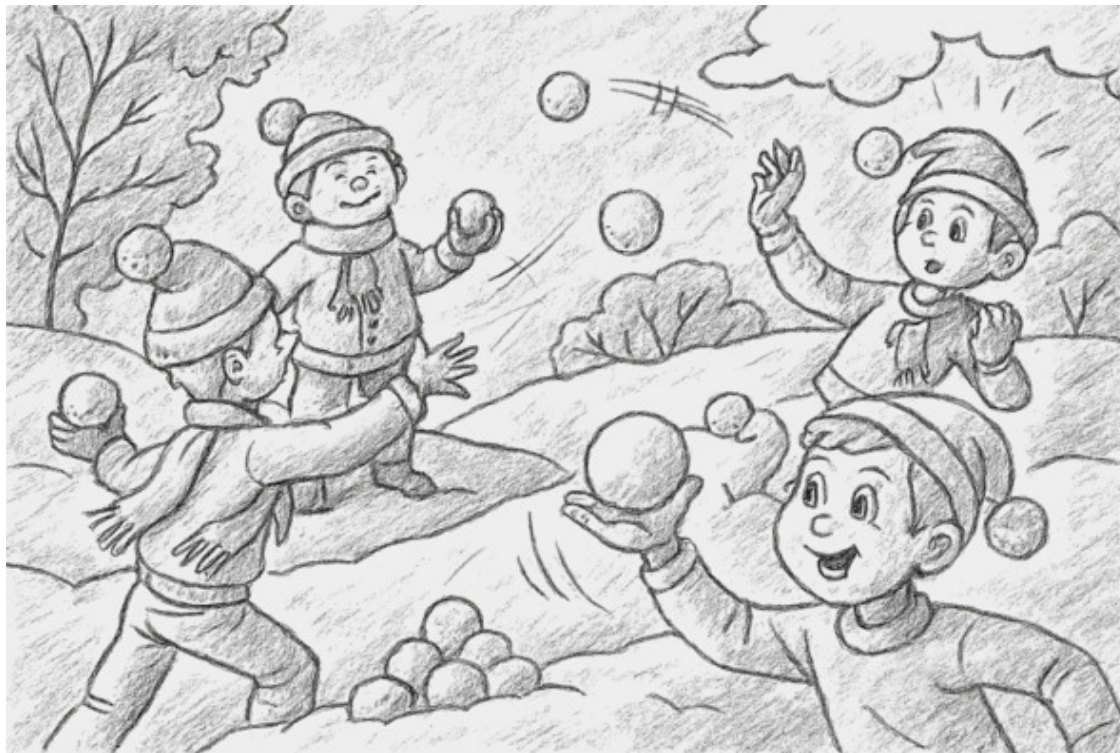
[1] Слова песни из фильма «Морозко» песня Настеньки

[2] Там же

НА ПЛОТАХ В ДОГОНЯЛКИ

В пятом классе, нашу школу закрыли на ремонт... Нам пришлось ходить в здание вечерней школы, которая располагалась за железнодорожной линией. Это было одноэтажное деревянное строение, практически без школьного двора, так что разгуляться озорникам на переменах было негде... Вот и придумали обстреливать туалеты осколками кирпичей, я попадал под этот град не единожды. Стоял хохот, хотя смешного здесь было мало и тому, кто оставался запертым (открывать дверь туалета было нельзя), ничего не оставалось, как быть в клетке туалета до конца перемены... Зимой обстрел сменился снежками. К слову сказать, в шестом классе, когда мы вернулись учиться в родные пенаты, у нас на каждой перемене происходило серьёзное сражение между нашими смежными классами, я учился в «Б», а битву устраивали с «А». Побед великих не было, так как силы были приблизительно равны, и перевес был то на одной стороне, то на другой... В этих снежных «боях» не было и травм, снег был рыхлый, снежки получались неболезненными при попадании, но...

Часто «но» пресекает какие-то традиционные «соревнования», а почему? Мне смачно залепили в глаз, залепили снежком так, что света белого не взвидел, в таких случаях говорят «небо в алмазах». Хорошо помню это состояние, когда в азарте снежного боя вдруг потемнело в глазах, а из правого глаза сыпануло снопом ярких искр. Я закрылся руками, меня шатнуло, но товарищи, «бойцы моего подразделения» вовремя поддержали своего товарища. Привели меня в санчасть, а потом отправили домой, уже не помню, но кто-то провожал... Мне потом сказали, что в снежок, который прилетел мне в око, кто-то положил льдинку, вот она и поставила мне «фонарь». Глаз отошёл от опухоли, а я ещё какое-то время светил фингалом.

Всякое бывало! Разве только это? Школьное время у всех ассоциируется не только с уроками, но и с шалостями, происшествиями, выходками на уроках и выгоном тебя из класса. Выгоняли и меня, а однажды и из школы, за какие грехи точно не помню, но три дня просидели

мы под сараями возле школы, всё надеясь, что пронесёт – не пронесло, вызвали родителей и распекали по всей строгости тогдашних школьных законов. Говорили, что такие «шалопай» и сами не учатся (я хорошо учился, но попал под общую раздачу) и другим не дают и стыдили родителей, в моём случае Маму, что не занимаются нашим воспитанием, вот мы и отбились от рук. Помню, стояли мы, руки по швам, возле доски и тупо глядели на распекаемых нас учителей, но пугало совсем не это, а то, что после этого «полоскания» предстоит основательная «стирка» дома... Уж как мне удалось! уговорить Маму сказать Отцу, что вызывали её просто на родительское собрание? Что уж скрывать, побаивался я своего родителя... Удалось! Покачивая головой, глядя на меня своими голубыми всепонимающими глазами, строго сказала мне:

– Последний раз я краснею за тебя, следующий раз пошлю Отца, – этого достаточно было, чтобы во мне шалопай «приказал долго жить», а я закончил восьмилетку без троек...

Замечательное время, упомнить бы всё, да найти время и возможность описать! Каждый, читая это, убежит в свою память и вспомнит озорное неунывающее время, время школьных лет! А сражаться снежками после моего случая нам запретили, да и пацаны вряд ли хотели бы повторить мой «подвиг».

Здание, ставшее в силу необходимости временным нашим пристанищем, по меркам нашего посёлка, располагалось немногим дальше, чем здание родной школы. Путь от аэропорта, недалеко от которого я жил, лежал по разным задворкам жилых двухэтажных домов и через территории различных производств ШЧ, НГЧ, ПЧ, не помню точно, но подобные названия были у нас в посёлке на слуху, а также по вспомогательным железнодорожным путям, к виадуку. Виадук! Этот мостик через пути, соединяющий Верхний посёлок и Нижний (так негласно их обозвал народ) был для нас и наблюдательной площадкой, с которой мы наблюдали останавливающие поезда и бегающие маневровые паровозики, а со временем и тепловозы. Ждали паровоз и чтобы непременно быть над ним, а тот в свою очередь должен дать струю дыма... Когда совпадало, и ты оказывался в клубах густого белого дыма, то в первое мгновение остальной мир переставал существовать, густая пелена выброшенного паровозом дыма-пара скрывала от тебя всю видимость: и перрона, и поездов и всю перспективу Нижнего посёлка, с прекрасной панорамой виднеющихся сопок.

Но вернёмся на путь к виадуку... Там, где шли ветки путей, рядом были котлованы, низины, в которых ещё с осени, после дождей собиралась вода, вода зимой естественно замерзала, что служило нам прекрасным катком и присмотренные щепки служили что-то на подобии коньков. Одной ногой отталкиваешься, а другой, стоя на щепке, скользишь по глади льда до очередного падения. Падения неизбежны, ведь стараешься как можно быстрее, быть впереди товарищей, а те в свою очередь пытаются тебя обогнать. Так и соревнуешься, забыв, что на уроки опаздываешь. Спыхватываешься и лежишь, что есть силы в школу, но это не единственное было наше развлечение...

Смекалка ребяческая работает, с помощью подкладок, которыми крепят рельсы к шпалам и костылей мы из шпал сбивали плоты, на которых в пору, когда подтаивал снег, и низины заполнялись водой, мы гоняли на плотях в догонялки или наперегонки... Водная поверхность была немалой, как маленькое озерцо, это было нам на руку, было здорово!.. Стоя на ногах на сколоченном плоту, в руках у тебя шест, которым отталкиваешься от дна, ты скользишь по водной поверхности... Рядом товарищи, они такие же и хотят тебя обогнать, но и ты прилагая усилия, с силой отталкиваешься шестом. Кто придёт первым? Кто знает? Но ты получаешь удовольствие!

В один из чудных весенних дней, когда солнышко пригрело, и ночной лёд подтаял, часть его опустилась на дно. Я вышел в школу раньше, чтобы подольше покататься на плотях... Солнце светило совсем по-весеннему, по-весеннему пели птицы, и небо поднялось выше и голубое, далёкое радовало глаз... Скоро с товарищами был возле наших плотов. Их иногда захватывали старшие ребята, но сейчас, благо весне! никто не эксплуатировал.

Побросали портфели, проявив определённую сноровку, без неё нельзя, мы были на «гоночных аппаратах». Через минуту уже летели к противоположному берегу, если брать в длину нашу водную гладь... Легко отталкиваясь шестом, напрягая свои имеющиеся мышцы, почти оторвался от своих товарищей, ещё момент! Я буду первым! Потом буду долго говорить им, друзьям, как я их сделал, а они понуро искать причину проигрыша. Никто не любит проигрывать, я тоже. В этот самый момент мой шест скользит об опустившийся лёд и..., я в воде! Поначалу не понял в чём дело, однако студёная вода быстро привела меня в чувство, я мигом вылетел на берег. Как идти в школу? А домой? Влетит дома однозначно, но не в школу же идти мокрым и грязным, в воде плавали жирные пятна мазута... Поплёлся домой, потом полетел – холодно! Отец дома устроил допрос, «намылил шею»... Мама переодела, и мигом отправила опять в школу, речи о пропуске уроков даже не могло быть, набедокурил по своей воле – вперёд!

После этого случая, моя сестра Оля, не пускала меня раньше времени в школу... Мой товарищ забежит ко мне, а она отнимет портфели и сиди до времени, чтобы только дойти до школы и успеть к урокам. Как не пытались её уговорить, пускать слёзы и даже стращать – бесполезно. Стояла непоколебимо на посту своём, а дружок, не заходя ко мне, уходил без меня на плоты. Той весной, не только я «плавал» в воде, были случаи и с другими школьниками. Работники скоро разобрали наши плоты, и нам пришлось довольствоваться виадуком с пыхтеющим паровозом под ним...

Развлечение так себе, но всё же...

октябрь 2019 года Кировоград

ВЕСНА В ПОСЁЛКЕ

Дом, приобретённый родителями, располагался на улице, на которой весенними днями густо цвела черёмуха и запах, медовый, густой опьянял нас весенним настроением, скорыми летними каникулами, радовал глаз белым нарядом груш, ранеток, ароматом распускающихся листьев кустов малины и смородины. В нашем краю, именно на нашем переулке, первом от аэропорта и последним по улице Первомайской, было множество цветущих деревьев, звонкий от детского смеха, говорливый от бабьих собраний на лавочках и кричащий по вечерам:

– Санька, пропади оно пропадом, иди домой! – «пропадом», как последний аргумент звенел в вечернее небо, или:

– Колька, ента, как его? – живо домой! – «Ента», так и осталась в прозвище бабки моего товарища, одноклассника, потом плавно перешла в прозвище «Ета», а потом в «Тае». Да так и прилипло намертво «Бабка Тае». Трансформация слов в народе удивительная, живучая...

И уж, как допёкшее до конца родителя, взрывало вечерний воздух:

– Лёнька, туды твою налево, домой! – после таких «призывов» точно надо было спешить под кров.

– Бегу! Я на сеновале буду спать, – успокаиваю Отца, главное сейчас не попасть под горячую руку...

Наш переулок по утрам просыпался от рёва садящих и взлетающих самолётов, от рожка пастуха, зовущего своих рогатых клиенток, ответного мычания скотинки, от перелива петушиного пения, заведёт один «ку-ка-ре-ку» и, тотчас, ему вторят соседние, так и покатится по посёлку на разные голоса хор пернатых...

Переулочек жил! Жил неунывающей детворой, снующей туда-сюда, играющей в различные игры и убирающей свою территорию метлами, да лопатами, после проезда машин в дождливое сыкатное время. Жила и детвора своей юной, весёлой особой жизнью, отличной от взрослой, беззаботной, беспокойной в шалости и горадой на выдумки. Во взрослой жизни то и дело встречались слова: «нужда», «болит там», «кольнуло здесь», в лексиконе детворы таких слов не было... Детвора жила! Жил и переулочек!

Просыпаюсь от звона струй молока о дно подойника. Мама доит корову, значит, скоро зазвучит призыв пастуха, и стройным шагом бурёнки выстроятся маршем на пастбище. Издалека, еле слышно, звучит рожок и хлопанье бича, сбивая коров в единый строй. Каждый пастух научился мастерски щёлкать кнутом. Хлопанье такое, словно стреляют из ружья, выстрелы всё слышней и вот уже раздаются на соседней улице, пора выгонять и нашу кормилицу. Научились и мы «стрелять», да так хлётко, кто лучше... Мы тоже делали себе бичи, длинные с короткой ручкой, не для коров, а чтобы перед собой и друг другом хвастануть. «Стрелял» и я, мастерски, как заправский пастух.

По переулочку растянулось стадо разношерстных коров, телят и потянулась колонной на окраину посёлка, а дальше на поля, на траву, которая в обилии манила сочностью и разнообразием. Петух вдруг озаботился своим происхождением, захлопал крыльями и завопил на округу громким петушиным криком. Красавец, что не говори... Ор его стоял такой, что не выдержали соседние коллеги, и понеслась петушиная симфония из края в край. Солнышко пробудилось от их криков, вывалилось над горизонтом, нехотя, зевая, плеснуло на посёлок,

накопившееся за ночь, тепло и свет. У петухов важность – солнышко разбудили и ну! опять друг перед другом горлопанить по чём зря... Переулочек ожил! Детвора спала... Спал бы и я, если бы ночевал в доме... Здесь тепло, крыша над головой, редкий писк комара и докучливая надоедливость мух... Они хуже комаров, тех хоть можно прихлопнуть, а мух? здесь надо проявить невероятную скорость, чтобы усмирить крылатую навеки. Я не сплю. Вставать в рань нет желания, валяюсь, попробую завалиться на другой бок, хочу уснуть... Правда скоро взревет моторы садящихся и взлетающих самолётов, я к ним привык, сну не помешают... Сон, не за горами, тут, как тут, сразу берёт меня в оборот, время моё молодое – сладко спится. «Пришёл сон из семи сёл, пришла лень из семи деревень», поговаривала иногда Мама, приводя народную поговорку.

Проснулся, когда солнце давно завернуло к полудню, стоит жара и комары, противно пищащие, попрятались на свой дневной отдых, чтобы ночью с новой силой и настойчивостью донимать живность и людей... Сквозь щели пробиваются лучи солнца, встречаясь с пылью, оставляют в пространстве полосы света, которые убегают вглубь сеновала. Пахнет прошлогодним сеном, где-то лают собаки, слышится говор соседей... Наблюдаю, прислушиваюсь... Хорошо! Сегодня ещё не надо идти на покос, уже не надо работать на огороде, но надо ехать на Крутой, там конь пасётся... Каждый день, я сажусь на велосипед и кручу педали двенадцать километров в одну сторону и столько же назад. Весело мне! Коня надо напоить и проведать всё ли как следует. Прошу друзей составить мне компанию, но не всякий раз кто-то захочет отмотать более двадцати километров на двухколёсном. Вчера спрашивал своих «подельников» по переулочку, не один не захотел одолеть со мною расстояние, придётся в одиночестве «радоваться жизни». Не унываю, привык! Возьму собак...

Позавтракав, осмотрев велосипед, я в дороге... Рядом бежит коротколапый Бобка, высунув язык, и Мухтар, пёс высокий сильный, боевитый, с ним не страшно. Шарика, собаки которая долгое время была мне незаменимым другом, уже нет на свете, кто-то пальнул от скуки в него из ружья, он и отошёл в мир иной, пожив несколько дней. Жаль его! Отец взял где-то Бобку, а тот через некоторое время привёл к нам щенка, вислоухого, шатающегося на длинных тонких лапах, худого и замученного голодом. Оставили, не выгонишь тварь Божью, заботиться надо... Эта «тварь Божья» через месяцы превратилась в красавца, боевого пса, с могучей шеей, на толстых длинных лапах, с высокими торчащими ушами, почти по литературному «гадкому утёнку». Гроза местных псов, но как! он любил Бобку и перед ним робел и благодарно облизывал ему мордочку, словно был тот ему отцом. Да так и было – приёмный родитель. Мухтар не выносил никакого собачьего соседства и, если загулявшая дворняжка подходила близко, он вмиг был подле неё, сбивал грудью и та вопила под ним остервенело, поднимая лапы на милость победителя. Я с трудом отбивал несчастную и уводил взъерошенного, рычащего пса.

Кручу педали... Бежит под колёсами велосипеда дорога, мелькают придорожные кусты деревьев, а в спину греет то солнце, что утром было ленивое и зевало. Сейчас же оно весёлое, тёплое, нежное, даже где-то горячее и припекает... Мне радостно! Правда!.. весело на душе... Часа через три выполню задание и буду дома, а потом закатимся с товарищами куда-нибудь... Куда? Да придумаем, первый раз что ли!

Сияет солнце, воды блещут,
На всём улыбка, жизнь на всём,
Деревья радостно трепещут,
Купаясь в небе голубом. [1]

Лапы Бобки коротенькие, быстро устаёт, я сажу его на рамку велосипеда, а для этого специально для него соорудил сидушку и приучил смирно сидеть, он скоро понял это и сам просился, скуля: «Возьми меня!» Мухтару нипочём, его длинные лапы мелькают спереди, то

с левой, то с правой стороны дороги, которая петляет между деревьями, её недавно возвели до реки Уркан, чтобы по ней таскать в леспромхоз лес и отправлять по хозяйственным надобностям. Она пересекла Крутой в той части, что была за рекой от нашего дома и поменяла круто ландшафт, мне привычный с малых лет. Что делать? Вторжение цивилизации... Делая небольшие повороты, дорога выводит на сопку, за ней физически ехать легче, но труднее назад будет. Ещё полчаса неспешной дороги и я на Крутом. Сворачиваю направо и по бездорожью веду в руках велосипед. Здесь всё перемололи, перекрутили, когда строили дорогу. Высокие отвалы были, слева была, пожалуй, самая высокая точка в бывшем прииске. На склонах которой, росли в изобилии кусты и деревья, где мы совсем недавно знали каждый уголок и играли в разные игры, здесь были поляны, усыпанные земляникой, крупной душистой, какой не было в окрестности. На самой вершине мы, дети, любили стоять и рассматривать открывающийся вид, любовались окрестностями. Были видны все разрезы, извивы реки, причём обеих. Они просматривались до места слияния, здесь совсем недалеко подле Круглого разреза. Отсюда, на юг, можно было наблюдать все дома, стоящие в центре, возле магазина, конюшню, пекарню, на юго-востоке виднелась и крыша нашего дома. А на западе хорошо просматривалась вереница домов, стоящих подле леса, перед кладбищем... Всё перековеркали, всё вывезли на дорогу, горку, эту возвышенность, сравнивали почти вровень с землёй. Привычный с детства ландшафт поменялся в угоду экономики великой страны.

За бывшей горкой местами болотистая почва, но в дни солнечные, высыхает – можно пройти. Скоро я возле нашего дома. Конь пасётся в пределах огороженного участка. Отец в своё время огородил обширную площадь нескольких соседских огородов, коню воля и есть где травку пощипать. В течении получаса я справляюсь с нехитрым заданием, а оно всего то наносить воды коню, дать хлеба ему, да положить корм кошке. Мы переехали, а она осталась, всем своим видом и воем показывала нежелание переезжать, пришлось оставить.

Сделал Отец ей тёплое местечко на крыше, а когда приезжали, то спускалась к нам, урча и мяукая. Зимой подкармливал наш сосед, тот у которого мы часто в зимнее время слушали радиопередачи. Дядя Митя так и остался жить на Крутом, никуда не трогаясь с места. Обзавёлся конями, сдавать их не желает никуда, любит их, прикипел... Часто останавливались у него охотники, родственники навещали, привозили необходимую снедь. Кошка наша со временем стала почти дикой, появились котята, видимо дружила с д. Митиным Васькой, тот ещё был котяра, большой, серый и крикливый, а главное, незаменимый, единственный на округу... Не раз гоняли этого ухажёра. Котята к людям не шли, и учила их мать самих, диким способом добывать пропитание. Первые годы мы на лето переезжали сюда, но в силу здоровья родителей года два, как перестали. Отец сделал в доме нары, в сенокосную пору, иногда, останавливаемся в доме, если много работы на покосе. А кто-нибудь обязательно едет в посёлок ночевать, его заранее, с покоса, отпускали родители.

Возле летней кухни, которой уже нет, остался пенёк, нами любимый. На нём часто сидел Отец и отбивал литовки, правил и ремонтировал грабли и другие сельхозорудия. Сзади топилась печь, возле неё Мама хлопотала, варила щи, а мы, облепив вокруг, сидели и грелись, домой не хотелось заходить. И сидели пока она, печь, не остывала, только тогда с неохотой шли в дом. «В старые годы, бывало, и баба кашу едала», – не раз слышал соседские разговоры. Сижу, вспоминаю, вроде давно это было, а вроде и нет, но... Но куда всё ушло? Почему так круто поменялось? В угоду чему и кому, в угоду, чьей воли и желания? Что-то в жизни сдвигается, меняется, как меняются времена года. На смену одному приходит другое, уже не такое привычное и понятное. Люди?.. И люди стареют зачем-то, вот и мои родители постарели, как-то незаметно идёт процесс, болеют часто, зачем? Почему так устроено? В чём смысл этого? Ведь должен быть смысл всего происходящего? Где ответ? Где его найти? Нет мне ответа... Должен быть!.. Чувствую должен быть!

Жизнь великих призывает,
Нас к великому идти,
Чтоб в песках времен остался,
След и нашего пути... [2]

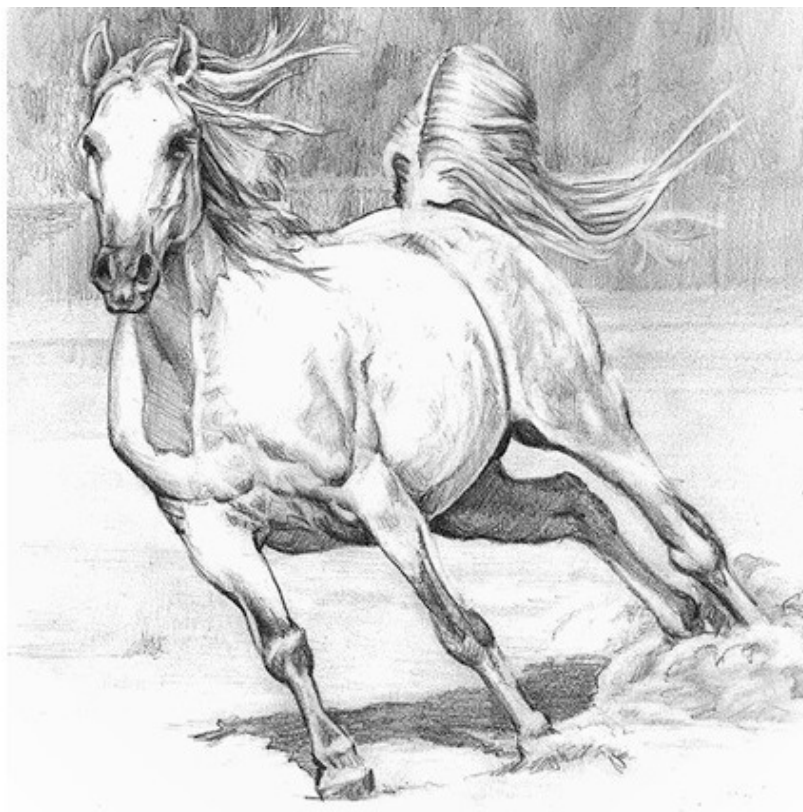
Посидел какое-то время на любимом пенёчке, с грустью повспоминал былое и с чувством выполненного долга в обратный путь. Конь, напившись, отошёл к траве. Собаки мои на природе занюхались, где-то помечают усиленно территорию, что делать? – такова природа их... Свищу им и они, как Сивка-Бурка встали вмиг предо мною, готовые на собачьи подвиги. До дороги Бобку не сажу на велосипед, я и сам иду пешком. Кошка так и не вышла к еде, но выйдет, после меня спустится, будет принюхиваться, потом накормит своё потомство. Отча-ливаю...

Завтра опять буду здесь, с другими темами дум. Какими? Будет новый день, будут новые думы...

май 2020 года, Кировоград

[1] Строки из стихотворения *Тютчева Ф. И.*

[2] Строки из стихотворения *Лонгфелло Генри*

ПЕРВОЕ МАЯ!

Сон не шёл...

Заглядывал молодой месяц в окно, заглядывали звёзды, доносился лай бодрствующих собак, где-то далеко шумел поезд, отстукивая колёсами свой бег на стыках рельс.

Сон не шёл...

Закрывал глаза, смыкал их в желании заснуть и вскоре открывал – сон не шёл... Не приходил он, не хотел... Где блуждал? Почему я не мог уснуть?

Встал, вышел на улицу, взглянул на ночной небосвод, густо усеянный звёздами. Млечный путь раскинулся по всей космической дали и терялся в астрономических парсеках [1], Стожары [2] пламенели в глубине космоса, под ними мерцал загадочным цветом пояс Ориона, семь Мудрецов [3], семь звёзд Большого ковша, наблюдали за планетой яро и оберегали её от крученых галактик и таинственных туманностей далёкой бездны. Подумалось, пригодились-таки познания и интерес к астрономии, когда часами рассматривал и прочитывал учебник старших сестёр, что-то стало различимо на ночном небе. Осмотрел всё внимательно, месяц своим серпиком зацепился за облачко, всё хорошо, всё идёт своим ночным чередом, спокойно, как всегда... Пёс, почувствовав меня, вылез из будки, встряхнул свою залежалую шерсть, сладко зевнул и подошёл ко мне. Читался у него недоумённый взгляд: «Мол, ты чего? Вверенной мне территории всё спокойно...». В стойке тряхнул уздечкой конь, зазвенели стальные удила, ему ответила вздохом корова, вздох глубокий с тихим мычанием и всё стихло... В воздухе пахло просыпающейся землёю, весна живила всё вокруг, выбрасывала потоки энергии и под её руководством вспахивались поля под посевы, засаживались огороды овощными культурами, наливались деревья будущими плодами.

Что я искал? Что было причиной моего беспокойного поведения?.. Когда же началось это волнение, какой-то внутренний страх, что может произойти непоправимое, набрести трагедия на наш дом и случится лихо?

А началось это первого мая...

К празднику готовились заранее, срезали веточки берёзы, вербы и ставили их в воду, чтобы они показали свои зелёные листочки. К веточкам девочки привязывали самодельные цветы и такие бело-зелёные кустики во множестве устремлялись потоком в колоннах, ими махали девочки, приветствуя стоящих на трибуне местных руководителей партии. Мальчики несли транспаранты, кто постарше флаги и знамёна. Всегда тщательно готовились к празднику, и всегда было у всех предпраздничное настроение – будет демонстрация, будут общие сборы, будет всеобщее ликование трудящихся всей земли... Так нам говорили, так мы и чувствовали причастность к этому всеобщему празднеству. У нас, уверовавших в такую идеологию, лица светились предпраздничным светом, будущим участием в торжестве социализма, который обязательным образом победит на всей матушке планете. Вот где-то так или почти так!

Мы тоже, с ребятами нашего уголка, что подле аэропорта, готовились к походу на демонстрацию. Уже в центре включились громкоговорители, и местами, прерываясь расстоянием, понятная всем, разливалась песня:

Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля,
Просыпается с рассветом
Вся Советская земля.

Было приподнятое настроение, всё дышало ощущением праздника, митинга, демонстрации...

Кипучая, могучая,
Никем непобедимая страна моя,
Москва моя, —
Ты самая любимая!»

Тщательно утюжились брюки, чистились ботинки, одевалась чистая, лучшая рубашка. Ведь надо по-праздничному выглядеть, все будут такими и я вместе с ними. Пойдём все вместе в центр, к школе, а потом разбредёмся по классам. И уже в колонне класса, потом школы последуем на стадион, где перед футбольным полем, высилась трибуна и там, на недосыгаемой для нас высоте, будут приветствовать проходящих местные партийные вожди. Покровительственно будут сверху поглядывать на нас, а голос отработанный и поставленный, в микрофон и далее через репродукторы, огласит о торжестве пролетариата всех стран мира и его солидарности между собой, выкрикивая:

– Да здравствует, «Первое Мая!» – международный день трудящихся всей Земли! Ура, товарищи! – и мы дружно подхватывая, голосами сотен глоток заорём в синее небо:

– Ура-а-а! Ура-а-а! – «ура» летело в пространство, оповещая близлежащие улицы и переулки о празднике, о необходимости готовить праздничный обед и садиться за стол – скоро вернуться демонстранты. А многие из них уже успели до походной церемонии «развеселить» себя всякими горячительными напитками, кто «огненной водой», кто вином, а кто и самогоночкой побаловался. Всё это было быстро оприходовано в подворотнях и заедено шматком сала, чёрным хлебом и солёным хрустящим огурчиком. Мужики умели вкусно закусывать! Хорошо пилося им на свежем воздухе, да при звуках духового оркестра, который, не переставая, звучал на весь посёлок и далеко раздавались марши «Славянки», «Будённого»...

Прохождение маршем перед трибуной закончилось, класс разбежался, и мы, «аэропортовские», отправились на обед по домам, чтобы потом встретиться и закатиться куда-нибудь по своим мальчишеским интересам. Всё складывалось, как всегда... Демонстрация, дом, обед, игры до самой темноты. Погода стояла хорошая, а она, как по заказу, была тёплая, солнечная, что не всегда характерно для нашего края. Были времена – снегом заметало. Дом меня ждал праздничным обедом, вся семья собралась за столом и старшие пили за здоровье друг друга, за будущие хорошие урожаи, обильно поедали приготовленное кушанье, вели разгорячённые брагой разговоры...

В самый разгар застолья послышался на улице истошный крик, крик, который всегда мгновенно заставляет трезветь и вскакивать, как по команде:

– Пожар! – разрезал наше праздничное настроение, и первая мысль, что горит у нас, в мгновение ока заставило высыпать наружу, но было всё спокойно, огляделись... По улице бежали соседи, кто с чем, с ведром, лопатой, кто с багром, и мы все устремились за ними...

На углу, пересечения улицы и переулка – горел дом, горели наши соседи... Пожар охватил летнюю кухню и пробовал переселиться на дом, и как на грех, стояла сухая погода, был ветерок. Скоро пламя, набрав тягу, легко перекинулось на дом, он загорелся. В толпе зевак, в которой был и я, при этом прокатился стон и дружное «Ах-х!». Мужики кто мог, тот помогал тушить, женщины помогали родственникам вытаскивать из дома кой какое добро, но жар скоро отогнал их, было нестерпимо находиться рядом с бушевавшей пляской огня. Занялась крыша дома и шифер, что покрывал её, стал нещадно лопаться, разлетаться в стороны, своей стрельбой отогнал зевак подальше. Языки пламени, соединяясь, превращались в гудящее всепожирающее огненное чудовище. Скоро всё потонуло в хаосе развернувшейся стихии. Подъехали пожарные и стали работать двумя расчётами, однако сила пламени была такова, что струя воды из шланга успевала превратиться в пар, не долетев до огня. Подъехала третья «пожарка» и она уже дежурила возле соседских домов, чтобы вовремя пресечь аппетит пожара. Куски горящего материала высоко взметались в небо, и ветром разносило их по крышам соседних изб, где уже дежурили хозяева. Временами по возгласам людей смотрящих за этим действием можно было судить, что где-то начинало гореть новым очагом. Быстрота, с какой орудовали пожарные и хозяева, быстро пресекался растекающийся по воздуху пожар.

Скоро рухнула крыша, потом обвалился потолок дома, новый столб искр и пламени взметнулся в небо и пожар стал постепенно терять свою силу. Только сейчас вдруг вырвался

обезумевший крик о хозяине сгоревшего дома. Где он? Родные метались среди людей, ища его и призывая обозначиться... Когда же все поиски показали, что они напрасны, все как один, обернулись к стихающему пожару, который скоро тушили пожарники. Крик истошный, полный всемирного горя огласил округу...

Пламя всё ещё не хотела смириться, унять свою губящую прыть, то там, то здесь происходили возгорания, ещё горел пол и подполье под ним – опасные ловушки для тушителей, можно провалиться и мгновенно задохнуться. Всё дымилось, не было видно ничего, а к дыму прибавлялся и пар от воды из пожарных шлангов. Метр за метром проходили пожарные, заливая остатки возгораний и..., вдруг толпа расступилась, качнулась, бабы завопили, оттесняя нас на задний план. Четверо спасателей несли нечто такое, которое трудно описать. Протиснувшись через строй замерших онемевших людей я очутился рядом с тем, что вынесли пожарные... Остолбенел от увиденного... Передо мною лежал чёрный обугленный предмет, похожий на фигуру человека. Я даже и не понял сразу что это? Вой протяжный безысходный опрокинул воздух и вернул меня в состояние реальности... Скоро догадался, кто передо мной, вернее то, что осталась от него, я стал задыхаться, еле передвигая ноги, отошёл за толпу, которая до сих пор стояла онемелая, но окружила родственников погибшего и не пускала к нему...

Сосед наш (я его буду так называть), насколько его помню, всегда был тихим, спокойным. Вяло бродил по улицам, сидел подолгу на скамейке возле дома и никогда у него не было на лице улыбки, вернее я её не помню, конечно же была она в каких-то временах, ведь рос он как все... Был ребёнком, подростком, молодым человеком и появилась семья. Хорошая семья, заботливая, сосед всегда был одет опрятно, чисто и никто, из близко проживающих соседей, не замечал за ним какой-то агрессии. Сознание его, видимо, было сдвинуто на какие-то другие уровни, которые в нашем обычном понимании называется сумасшествием. Поговаривали, что страдал он тихим помешательством, которое, как молва вещала, не излечивается. Я ни в коем образе, не пытаюсь осудить или дать оценку его состояния душевного, описываю лишь то, о чём поговаривали люди и то, что произошло впоследствии. Мы мальчишки его обходили стороной и никогда не задевали, относились с пониманием. Так продолжалось годы, не знаю два, три или пять лет, память не зацепилась за это. Но вот что-то где-то в уголках его сознания сработало, из глубины чуть теплившегося понимания действительности зацепилось – взять спички... Он взял... Далее произошло то, что произошло... Долго стоял остов сгоревшего дома, пока новые хозяева участка не снесли его, не раскидали на дрова, а на его месте построили новый добротный дом... Угол пересечения улицы и переулка ожил!

Не знаю, как эта трагедия подействовала на моих друзей, таких же подростков, годом старше, годом младше, которых много было рядом в мою отроческую бытность. Но на меня, легкоранимого, впечатлительного, впервые виденное горе такого уровня, подействовало «обухом по голове». Я представил масштабность трагедии, которая может постигнуть любую семью и сон, до сих пор валивший меня, только голову до подушки – не шёл... Долго я валялся при храпе Отца, вставал, чем вызывал недовольство его, выходил на улицу, проверял, всё ли на месте, нет ли где возможного возгорания. Меня охватывала тревога, одолевал смутный, расплывчатый страх по поводу возможных отрицательных событий, предотвратить их и все сделать для благополучного исхода.

Вот и сейчас я обошёл наш дом, заглянул в стайку, осмотрел летнюю кухню – на всём лежала печать сонного ночного состояния, лишь собака, потревоженная мною, сопровождала меня, до сих пор недоумевающая моим брожением. Я потрепал его милую собачью морду, умную и участливую и удовлетворённый проверкой пошёл спать. Отец проворчал, ворочаясь, что шастаю по ночам. Что я им мог рассказать, как объяснить моё беспокойное состояние, поделиться своими страхами в первую очередь за них самих, конечно же только хождением «до ветру...». Родителям не жаловался, пытался сам справиться со своим беспокойством и справился.

Время многое излечивает, жизнь берёт своё. Быстрота смены детских впечатлений отрицательные заменила положительными. Нам не давали расслабиться домашними обязанностями, а справившись с ними, беспокойный детский народ накачивал себя новыми чувствами и эмоциями, мы забывались в детских играх, забегавшись, запыхавшись...

Жизнь продолжалась...

[1] *Парсек* – единица измерения расстояния в астрономии, название образовано из сокращений слов «**п**араллакс» и «**с**екунда», равная 3, 26 светового года.

[2] Старое название созвездия *Плеяд*.

[3] Созвездие *Большой Медведицы* называют созвездием *Семи Мудрецов* в индийской астрономии.

ДОЖДЬ. ЧТЕНИЕ

Обложные дожди. Обложные дожди...

Значит, солнца неделю не жди.

Значит снова с утра, будет дождь моросить, В наши окна стучать и о чём-то просить...

Татьяна Афанасьева

Дождь идёт день, второй, третий... Неделю идёт дождь, мелкий упорный. Небо низкое, серое, облака стелются над землёю вот – вот зацепятся своими рваными краями за верхушки деревьев или за сопки с лесом. Просвета не видно. Хорошо у кого убрано всё сено. Сгниёт... Вода поднимается в руслах ручьёв, рек, постепенно выходя из берегов, заполняет прибрежные покосные луга. Часто копна стоят в воде. Не речка, а река мерно катит свои мутные воды вдаль через ту местность, которая ещё недавно цвела и благоухала под солнцем. И посёлок наш притих, притаился под дождём. В ненастные дни строения словно пригнулись и кажутся ниже, чем в ясные... В солнечные дни улицы людные, с визжащей от восторгов и радости детворы, с «приклеенными» к лавочкам судачащими, шушукающими бабушками и курящими, обстоятельно что-то обсуждающими мужиками. А сейчас загнала сырость всех под крышу домов, промозглость и прелость от всего, что видит глаз...

А дождь идёт и идёт... Надвинуло его жизнью, он и поливает её... В народе его прозвали обложной. Сижу дома и читаю, читаю запоем. До дождя не было времени, покосная пора, вечерами возвращаясь, убегаешь с друзьями по своим неотложным интересам, а их, интересов у подрастающего поколения, много.

Домой приезжаешь усталый, но стоит только умыться, поесть и усталость, словно рукой волшебной снимает. Ещё мгновение и ты возле суетливой говорливой ребятни. Она, как «голь на выдумки хитра», уже придумала план своих действий и в потоке собственных мыслей, живо

воплощает его в жизнь. Мысли говорливой ребятни заводят её на футбольное поле для состязания с командой, что живёт на окраине посёлка, да и поле там же находится. Наше вечное противостояние! Сколько баталий разыгрывалось, выявляя победу то одной стороны, то другой и, попробуй выиграть... «отметелят» [1] лихие пацаны противоположного лагеря. Но каждый раз, с завидной настойчивостью мы договаривались на игру, а выигрывая, были биты, иногда и мы их бивали, наподобие старинной – «стенка на стенку», здесь команда на команду.

А пока, дождь идёт, сижу возле печки... Рядом хлопочет Мама. Пахнет чем-то вкусным! Замесила тесто на пироги, с морковкой, мои любимые. Знаю, напечёт много, чем и побалую не только себя, но и ребят с улицы. Любят! Печь топится дровами, они потрескивают, что неумолимо ведёт к особому домашнему уюту. Горящие дрова и теплота печи создают особую атмосферу и расположение к чтению, дреме, к тому, что на свете всё хорошо и никогда это не должно заканчиваться. Мухи, вечные спутники деревенских домов, греются, сидя на печи. Выгнать их в непогоду невозможно. Взмахнёшь рукой, они роем и шумно поднимутся, сделают круг по помещению и спокойно усядутся на прежнее место.

В таком уюте, тепле, возле самых родных мне людей заснёшь, забудешься коротким сном и снится, что весь в приключениях с героями книг крадёшься по дикому лесу Северной Америки, словно «последний из могижан», выслеживаешь бледнолицых. Читая книги, разворачиваешь перед собой всю картину описываемых событий, представляешь себя никем другим, а именно индейцем, пиратом, мушкетёром. Мушкетёром со шпагой в руке, отстаиваешь честь и достоинство своё и друзей, пиратом покоряешь морские пространства и берёшь на абордаж торговые судна, испанские галеоны, а индейцем сражаешься за свободу и независимость своих территорий...

Дождь идёт и идёт... Просыпаешься от монотонно стучащих капель о стекло. Смотришь в окно, на фоне тёмных предметов видны повисшие струи дождя, висят и висят. Шелестит листва в саду, вздрагивают от падающих капель цветы. Сыро и промозгло кругом, но я люблю всё это... Любил и люблю, когда идёт дождь. Идущий и стучащий о стёкла, он мне всегда внушал бег времени, жизнь бегущую, которую можно почувствовать здесь и сейчас... Как поток воды несущейся мимо реки, ассоциировался мне с бурным течением и водоворотами страстей и эмоций, а падающая вода, с непрекращающимся потоком знаний.

Влажная пропасть сольется
С бездной эфирных высот.
Таинство – небом дается,
Слитность – зеркальностью вод. [2]

Есть своя прелесть в идущем дожде, но есть и лениво – радостное, не надо работать в огороде, ездить на покос и, можно вдоволь читать. Как же я любил читать! Читал вечера напролёт, до полуночи, пока Отец не начнёт шуметь. И, конечно, на самом интересном месте, оторваться от чтения нельзя, прервётся нить мыслительных представлений, воображений, тех картин, о которых идёт речь в повествовании.

Быстро отвечаю:

- Сейчас! – и сюжет вновь увлекает до следующего:
- Живо ложись спать!

С великой неохотой ложусь, выключаю свет, крадусь на ощупь до кровати и, ворочаясь, укладываюсь в постель. Отец рядом, сна у него нет, я помог разворошить его. Откуда мне было знать в детстве, как это нет сна? Зачем ворчит? Голова до подушки и ты в объятиях Морфея. [3] Сейчас на себе испытал, уже знаю, вернулось мне моим сыном, когда невозможно его уgomонить и загнать в кровать, всё о чём-то думает, читает, сочиняет. А я не сплю!

Под шум дождя вспоминаю о друзьях... Раскидала непогода по домам, знаю, сидят тоскуют, грустно поглядывают на низкое серое небо, вдруг проглянет солнышко, вот тогда и побегут их ноги неустанно, но небо ничего подобного не предвещает и посылает на землю новые и новые порции моросящего дождя. Не все спасаются чтением, как я, не любят: «И что ты там находишь интересного?» – часто слышу я в свой адрес. Однако дома сиди, не сиди – не высидишь, тогда собираемся в наспех сколоченном из досок домике – шалаше, возле тополей, тогда дождь не помеха – пусть идёт. Сидим, рассказываем о «наболевшем», делимся впечатлениями, вспоминаем о самом интересном и наперебой друг другу тараторим: «А помнишь? А помнишь?». В шалаше нас набивается много, тесно, сидим, плотно прижавшись друг другу, согреваемся... Приходят с соседней улицы, но они, ребята, наши, с нашей команды. Последние переулки от аэропорта улиц Курбатова и Первомайской определяли принадлежность к «нашенским», а уже с улицы Новой наши вечные конкуренты и задиры, мы с ними дрались. Вопрос зачем? А просто так, никто не смог бы объяснить причину коллективной ненависти друг к другу. Наверное, посмотрели косо на нас, да и фамилия у них была схожей. Ловили их, где угодно, напиткивали их изрядными тумачами, они нас... Время такое! Не будешь драться – презирают и свои и чужие, кому хочется ходить в числе тех, кого товарищи игнорируют. Струсил – позор! Хочешь, не хочешь, а будешь подчиняться «кодексу чести» уличных команд.

Тем для разговоров множество и не только о славных боевых подвигах последней драки с мальчишками другой футбольной команды, где обязательным делом было прибавление себе несуществующих заслуг... И все верили, знали, что не так, но верили, ведь через минуту они сами будут прибавлять себе заслуги сверх того, что заслужили, да и рассказчик потом уже сам будет верить в то, о чём рассказывает. Ох уж эти мальчишки! С ними всегда так и сам такой же... Потом проводили «разбор полётов», причин проигрыша, не соглашаясь друг с другом в выводах. Бурно происходило обсуждение нового фильма, только что вышедшего на экраны нашего клуба: «Этот, как даст!.. А другой, как врежет!..» – то и дело восклицали мы и со стороны наш шалаш походил на разворошенный улей, то затихающий, то возгорающийся спорами с новой силой. За разговорами, спорами время стремительно приближает вечер... На улице смеркается, лица сидящих в шалаше становятся едва различимы. Так и сидим, пока родители не начнут «выдёргивать» нас по домам. Нам не хочется, страсть, как не хочется расходиться, под капающий дождь так и сидели бы за разговорами. Потом провели свет в домик наш, нашли кабель, бросили на линейные провода концы его, подсоединили патрон с лампочкой и замаскировали листвою... Да будет свет! И свет воссиял...

Какие хорошие богатые годы, годы детства, как радостно вспоминать вас, общаться с вами, словно с одухотворёнными понятиями. Не ностальгия это, а благодарность Его Величеству Детству! И в силу имеющегося таланта, если он присутствует, я пытаюсь сложить песню ему, Детству, и именно раннему периоду, когда всё закладывается на всю оставшуюся жизнь...

Выглядываю в окно. Дождь всё идёт... В огороде, между грядками стоит вода, выходить никуда не хочется, даже если прозвучит клич от друзей. Собака куда-то забилась в сухой уголок, видимо к корове под навес и не кажет своего носа.

Мама позовёт покормить, пёс выйдет с великою неохотой, отряхнётся, потянется, запахи еды в миске влекут с силой к себе. Как можно противиться? Хозяйка приглашает – будет, чем полакомиться, зря не позовёт. Порой раздаётся свист на улице. Товарищи идут в кино, зовут, но, посмотрев на серость и дождливость улицы, на грязь, которую придётся месить, с сожалением отказываешься... А хочется! И не всегда отказываешься, чем вызываешь недовольство Отца, ворчит не серьёзно, а так для марки отцовской, надо же что-то сказать. Взгляд нарочито серьёзный, но ты знаешь уже, там прячется улыбка и может последовать очередная шутка в мой адрес.

Поспели пирожки! Какое кино?..

[1] Здесь, в смысле «побьют»

[2] Строки их стихотворения *Бальмонта К. Д.* Линии света

[3] *Морфей* – бог сна в греческой мифологии

ГОРЫ. НА ЛЫЖАХ

*Земля окутана хрустальной пеленою,
В сугробы белые ныряет детвора,
Коньки наточены, и лыжи предо мною,
Метель закончилась, и в лес давно пора.*

Татьяна Варламова

Солнце садится. Горит закат багровым тревожным огнём... Будет завтра сильный мороз и ветер. Примета такая. Ветер и сейчас навстречу, пробирает до последней косточки. Ушанка опущена, завязана, да не спасает – добирается-таки мороз до ушей, варежкой не отогреть, вся во льду. Останавливаюсь, потираю пальцами и ковьялю далее. Домой бредём еле-еле, на лыжах. Ноги передвигаются с трудом, болят от ушибов при падениях, тело ломит... Начинает смеркаться... Метёт позёмка, следа лыжного почти не видно, но местность знакома до каждого кустика, бугорка, впадины – всё излазили, исходили. Ты в ледяной корке. Катание с гор всегда чревато падениями, снег набивается всюду. Падений много, всё болит. Спереди и сзади самые выносливые из нас. Нельзя никого упустить из вида. Зима, мороз, скоро вечер наступит... Перекидываемся фразами. Но тревожит тебя не ушибы, не боли, тревожит реакция Отца на то, что ушёл без разрешения. Знаю, когда придёшь домой Мама, поворчав, поменяет одежду и накормит вкусным ужином, а вот Отец? Чего доброго и обогреет чем-либо. Тревожно и опасно на душе. Потом и он отойдёт, станет весёлым и подшучивать надо мной, над моими «охами» и «ахами»... Падений, катаясь, столько!

А сейчас? Сейчас, с трудом передвигая ноги, ты прокручиваешь в голове варианты оправдания себя. Не прав я? Не прав! Что будет, то будет, лишь бы быстрее получить нагоняй и оставить его в прошлом. Не люблю быть в ожидании, любом!

А как хорошо начиналось! Кто-то из пацанов с улицы бросил клич «Пойдём с гор кататься!» и всё завертелось, закрутилось в вихре исполнения. Программа дня получена. Сборы мгновенные. Друзья ждать не будут, придётся догонять. Добыты из дома лыжи... Попробуй просто взять. А для чего, куда, зачем? – тысячи вопросов от родителей. Могут и не пустить. Уж лучше тихо так, украдкой. Рискую и принимаю решение – идти! Если нет лыж, то включаешь всего себя для нахождения их у других, кто точно не идёт, в виду разных причин. И так мы, человек пять или шесть, став на лыжи, бодрым шагом устремляемся в лес, на сопки.

Погода прекрасная, хотя и морозно, но нам-то что? Мы в юности развесёлой... Дорога мимо «Ромашек», по стадиону воинской части «Гриф», так мы её обзывали, не знаю правильно или нет, но многие знают, о чём я пишу. Переваливаем за пригорок. Здесь дорога раздваивается. Направо на Крутой, а прямо на Горчаки. Нам на горчаковские горы... Впереди «белая будка», за ней марь, лесок и цель наша уже скоро... Бежим ходко, лыжи хорошо скользят, подготовили... Усталости нет! Бодрость, устремлённость и жизнерадостность! Показался первый спуск и друзья, они немногим старше, уже устремились с горы и только спины, в вихре поднятого снега, показываются далеко внизу... Я у края, сразу съезжать не решаюсь. Слышу снизу:

– Что ты менжуешься? – любимое выражение друзей, выражающее крайнюю трусость... Следует хохот... Хохот? Это уже слишком...

Ничто так не воодушевляет на «подвиги», как усмешки и хохот друзей. Отталкиваюсь и через мгновение устремляюсь вниз. И всё бы хорошо, если бы не трамплинчик, сооружённый из снега. Лыжи отрываются от земли, ноги уносит вперёд, перегруппироваться не успеваю и тело моё становится неуправляемым... Смех и шутки надо мной. Я не в обиде, так принято подзадоривать неудачника и я уже через минуту взбираюсь на гору, лыжи ставлю лесенкой или ёлочкой, так надо, иначе и метра не одолеешь... Друзья разжигают костёр. Быть в лесу и без костра – невозможно представить. Пока костёр разгорается, я добираюсь до вершины и полный решимости съезжаю вниз. Удачно! Значит место возле костра обеспечено. На снег вываливаем еду, чем богаты, кто успел дома прихватить сало, хлеб, кусочек колбаски, солёный огурец – здесь, в лесу это приобретает особую вкусность, приправленную здоровым морозным воздухом и дымом костра. Попробуйте поспорить – вряд ли удастся...

Пока поджаривается сало, потрескивая на огне, оглядываюсь вокруг... Далеко, до самых Горчаков, убегает пойма речушки, здесь у многих летом сенокосные площади. Справа сопки, покрытые соснами и редким низким леском, на них мы катаемся. Слева за рекой начинается лес, потом первозданная тайга, которой нет конца и края. Что за ней?.. Вдоль берега усыпано невысокими деревцами, ивами, ветки которых в летнюю пору свисают до самой воды и тем самым образуют нечто вроде шатра. Летом, не часто, ездим сюда купаться на велосипедах, вода чистая, прохладная и заводи встречаются широкие. А иные товарищи и удят рыбу здесь, хвастаются потом. Понимаю их – сам такой... Сейчас ивы стоят, убелённые инеем и весь лес в уборе подобном. Стоишь, любишься видом и дышишь клубами пара... Зима! И как не вспомнить любимых поэтов?..

Чародейкою Зимою
Околдован, лес стоит,
И под снежной бахромою,
Неподвижною, немою,
Чудной жизнью он блестит. [1]

Всегда любил поэзию, настоящую, отличную от просто стихов. В ней, в сжатой форме выражено то, что можно описывать томами. «Живопись – это поэзия, которую видят, а поэзия – это живопись, которую слышат». [2] Как лучше и не скажешь! Творческое начало каждый

имеет, просто выражена она в той или иной степени. У одних развито, у других спит до времени. Эмоции, чувства, размышления у каждого выражаются по-своему на события и явления жизни и заставляют радоваться или горевать. Стараюсь радоваться, ибо радость есть особая мудрость! А поэзия выявляет в любое время дня и ночи, при любых обстоятельствах эту радость... Радуйтесь! Радуйтесь жизни, детям, природе, солнцу, дождю, снегу... Умейте радоваться. Приглядитесь к детям – они умеют радоваться...

Вот морозы затрещали
И сковали все пруды.
И мальчишки закричали
Ей «спасибо!» за труды. [3]

Хорошо зимой, присев на корточки, вытянуть руки к огню и наслаждаться его тёплыми, порою горячими ласками. Из одежды поднимается пар, сушится она, а ты крутишься возле него, то спиной к огню, то лицо подставляешь, при этом на длинной веточке успеваешь что-нибудь поджарить и с хрустом съесть... Перекусили, отдохнули, погрелись у костра, пора забираться в горы повыше. Известным способом ёлочкой взобрались на горку и углубляемся в лес на сопках к самой высокой вершине. Вот с неё и будем показывать класс, каждый свой. Получится ли у меня? Посмотрим, во всяком случае, до сего дня не удалось ни разу, но «дорогу осилит идущий...». Будем осиливать! Вперёд...

Кататься с гор не просто, но здорово! Здорово! Захватывая дух, летишь с вершины по лыжне, уже старшими ребятами проложенной, согнув колени, как бы немного присев. Снизу доносятся крики восторга, ликование – кто-то, не упав, удачно съехал. А тебе сейчас не до этого... Свистит ветер в ушах, глаза полные тревоги и, что греха таить, страха. Только бы не упасть, только бы... Маленькая оплошность и, собирая весь снег за собой, летишь кубарем. Спуск не удался, да разве только этот?! Отряхивая себя, выбивая снег из-за пазухи, медленно поднимаешься на вершину, чтобы снова и снова покорять её. Сколько таких падений за день, но один удачный съезд и гордость переполняет тебя и никакого утомления, всё уходит куда-то, словно и не было. Потом, в конце дня усталость вернётся, но это потом, потом...

[1] Строки из стихотворения *Тютчева Ф. И.* «Чародейкою зимою»

[2] Слова, приписываемые *Леонардо да Винчи*

[3] Строки из стихотворения *Есенина С. А.* «Зима»

ХОККЕЙ

*Я братьев знал; но сны младые,
Соединили нас на миг:
Далече бедствуют иные,
И в мире нет уже других*

Баратынский Е.

С каждым ударом кайла летят крошки льда в разные стороны, в том числе и в лицо. Морщусь... Неприятно... Да и откуда приятности взяться, очищая стойло скотины. Взмах... Удар! Летят крошки, удар опять в лицо... Разогнувшись, прислушиваюсь к шуму на улице. Играют! Быстрее бы разделаться с этим, тьфу! опять в лицо..., заданием! Отец поручил – надо выполнять. Ослушаться невыносимо, нагоняй будет обеспечен. Получу «по полной», да и не пустит следующий раз никуда. Хвала Всевышнему! часть работы уже выполнена... Дрова наколот, воды натаскал домой, но вот здесь застрял, а ещё сеном надо забить кормушки коня и коровы. Морозы сделали своё дело, от них «окаменели» отходы родной скотинушки... Взмах... Удар! Летят крошки... Скорее, скорее сделать и вывести всё на огороды. Весна наступит, огороды пойдут, будет удобрение... Всё внутри меня бежит быстрее тела физического, торопит... Как там ребята без меня? Уже не раз кричали: «... выходи!» Последние «штрихи» и я свободен, не забегая домой, прихватив клюшку, быстрей на улицу...

Напротив моего дома излюбленное место игры в хоккей. Льда нет, нет коньков, нет того хоккея в обычном понимании этого слова, есть наш, дворовый с берёзовыми клюшками и консервными банками, вместо шайбы... Разделившись на две команды, мы с азартом гоняем резиновый мячик по снежной площадке, стараясь вогнать его в ворота противника. Ворота импровизированные, обозначенные двумя чурочками дров. Я вливаюсь в состав одной из команд, якобы усилив их игровую мощь и, уже весь целиком забываюсь игрой... Удар-гол! Забившая команда ликует... Другая на кого-то пеняет, виноватит, мол «шляпа последняя» не смог защитить ворота... Потом роли меняются, когда вторая команда забивает гол и уже первая избирает виноватого, того «шляпу», по вине которого команде загнули «шайбу в лузу», любимое выражение... А игра покатила дальше, уже все забыли про голы и сейчас, в эту самую минуту надо приложить все усилия, чтобы не закатили мяч в ворота. Шум, крики, истошный вопль:

– Пас!.. Мне пас!.. Что ты делаешь? Ослеп, остолоп, что ли? – и так далее, и в таком же духе...

А вообще мои друзья – отличные ребята, хорошие и дружные. Сейчас азарт игры разгорячил! Шумим не всегда, когда между собой играем, а при встрече с противником с соседних улиц, мы друг за друга горой, сплочённые...

Хоккейный мяч совсем недавно приобрели, до него его роль выполняли консервные банки. Банка жила недолго, превращаясь в избитый металлический блин. В поле бросалась следующая и её постигала та же участь. За клюшками ходили специально в лес, долго выискивая соответствующее искривление на дереве и, чтобы обязательно берёза... Клюшки из других видов древесины быстро ломались. Зимой играем в хоккей часто, редко какой день пропускаем, но бывает, ходим на каток, кататься на лыжах, в кино... Запара игры идёт до самых сумерек, а когда на небе полная луна, то до криков и ругани родителей (загнать не могут) или соседей – шумим ведь. При луне видно хорошо, фонарём висит над нами, освещая площадку таинственным светом. По усталости в теле чувствуем – пора расходиться, утомлённые, но весёлые, покрытые снегом, а местами и коркой льда. Идём домой...

На площадке становится тихо, только слышно, как лают собаки в посёлке, не злобно, для необходимости собачьей, да на луну ещё – славно так тьякнуть и прислушаться, отклик-

нется ли кто? Откликаются... За шумом игры, за криками пацанов, их не было и вот проступили в зимнем пространстве, зазвучали, загавкали... Перестали играть, прошёл азарт... И ворвалась жизнь посёлка, не громкая, не суетливая, как летняя, а зимняя...

Далеко шумит удаляющийся поезд, зимой, при морозе, звук идущего поезда слышен отчётливо и мнится, что рядом проходит железнодорожный путь, за огородами. «Стук-стук, стук-стук!», – переговариваясь между собой, отстукивают колёса... Светит огромная луна, да незабываемый скрип снега под ногами... Дым от труб свечкой вздымается в небо. Звёзды блёклые при полной луне проступают на небе, а в месте, обратной от луны они пышут ярко, сверкают радужно, там небо темнее. Виден Большой ковш, Малый ковш, Полярная звезда и пояс Ориона. На крыльце останавливаюсь, прислушиваюсь, всматриваюсь в ночь...

Она прекрасна!

Пишу эти строки, закрываю глаза, и из далёкого прошлого ко мне хором врываются отзвуки детства, не один, не два, а целый сонм их, так явно выступают из глубины времени до щемления внутри, до почти тоскливого состояния невозвратимости тех дней...

Уже почти ночь.

– И бог знает, что ты там находишь, до такой темени гулять? – тихо ворчит Мама...

Находил, Мама, представь себе, что находил, много чего – разве опишешь?

Быстро поужинав, прослушав нотацию родителей (как без неё?), ложусь спать. Засыпая, думаю; странное дело, недоумеваю я, когда Отец поручит какое-либо дело, то вскоре чувствуешь усталость, вялость. Играя со своими друзьями, можешь от зари до зари гонять по снегу мяч, кататься на лыжах, крутить педали на велосипеде десятки километров и не вспомнить о еде, о холоде, о болезнях. Последние, завидев разгорячённых ребят, драпают от них к другим, укутанным в тёплые пальто, вялым и скучным... Почему? А потому, что пребывали мы в радости и счастье, ими было насыщено всё пространство, которое пело и звучало детской радостью на ключе детского счастья.

Внутри нас создавались волны торжественности, её вибрации служили своего рода кольчугой, обороняющей от посягательства многих болезней. Мы жили, мы горели нашими интересами, нашими играми, отдавая себя полностью во власть движению их, и ничто не могло поколебать или сбить. Мы были целеустремлёнными, не было ни тени зависти, ни злобы, этих разрушителей защитной оболочки. После игры, не выходя внутренне из неё, делились и радостью и огорчениями, анализировали, почему проиграла та или иная команда. Причины находили разные от подбора игроков, до стороны, где солнце светило и слепила глаза... Но всегда и везде нас соединяла дружба и всякие недоразумения забывались напрочь.

Быстро поужинав, прослушав нотацию родителей (как без неё?), ложусь спать. Засыпая, думаю; странное дело, недоумеваю я, когда Отец поручит какое-либо дело, то вскоре чувствуешь усталость, вялость. Играя со своими друзьями, можешь от зари до зари гонять по снегу мяч, кататься на лыжах, крутить педали на велосипеде десятки километров и не вспомнить о еде, о холоде, о болезнях. Последние, завидев разгорячённых ребят, драпают от них к другим, укутанным в тёплые пальто, вялым и скучным... Почему? А потому, что пребывали мы в радости и счастье, ими было насыщено всё пространство, которое пело и звучало детской радостью на ключе детского счастья.

Внутри нас создавались волны торжественности, её вибрации служили своего рода кольчугой, обороняющей от посягательства многих болезней. Мы жили, мы горели нашими интересами, нашими играми, отдавая себя полностью во власть движению их, и ничто не могло поколебать или сбить. Мы были целеустремлёнными, не было ни тени зависти, ни злобы, этих разрушителей защитной оболочки. После игры, не выходя внутренне из неё, делились и радостью и огорчениями, анализировали, почему проиграла та или иная команда. Причины находили разные от подбора игроков, до стороны, где солнце светило и слепила глаза... Но всегда и везде нас соединяла дружба и всякие недоразумения забывались напрочь.

Друзья мои! Незабываемые друзья мои, не один год мы шли бок обок... По каким-то причинно-следственным связям нас бросило в одну точку детства и в течение ряда лет мы были вместе. Со временем только крепла наша дружеская связь. Сколько игр прошло через наши «руки» и «ноги», сколько эмоций и восторгов выплеснули вместе в пространство... Занимали себя всегда, не было кислых, скучающих физиономий. Мы знали, как и где на данный момент, будем себя занимать. Находили немало интересных игр и приключений. Кроме общеизвестных таких, как лапта, городки, «выжигалка», чижик мы с удовольствием окунались в эмоции игр «верю – не верю», гоняли по близлежащим лескам в «казаки – разбойники», играли в войнушку, в догонялки по разрушенным и заброшенным строениям и, конечно же, рыбалка. Мы были радостные всегда, редко ссорились (не без этого). Нам некогда было скучать... В начале июня, когда расцветала черёмуха, всё пространство плавало в медовом запахе, когда огороды были посажены, мы уходили в леса, далеко, а возвращались, накаченные энергией первозданной тайги, голодные, неунывающие, полные впечатлений и приятных эмоций и чувств... Где здесь было гнездиться болезням? мы жили!.. Пробежали десятки лет с тех давних пор нашего босоногого детства, а память о Вас и благодарность Вам, живёт во мне и крепнет. «Иных уж нет, а те далече...». Ушли иные за черту этой жизни, другие рассеялись по полям разных стран. Вспоминаю Вас, не седыми, а озорными сорванцами, с заломанными ушами на шапках... Звучит и свистит клич Ваш в моих ушах и, кажется, вот сейчас выгляну в окно, а Вы все стоите и машете руками: «Кули-и-ик, выходи!»

КАК МЫ ИГРАЛИ...

*Играли мальчишки в войну,
Не так, как раньше в старину:
Фашистов били, побеждали
Не за награды и медали,
А за великую страну.*

Валентин Панарин

Где-то совсем рядом, по данным нашей разведки находился противник. Мы частью наших бойцов выдвинулись на край леска, что раскинулся вдоль дороги на Горчаки и Крутой, напротив работающих локаторов «Ромашка», для уничтожения всяких вражьих попыток продвинуться в нашу сторону, с целью захвата штаба нашего летучего, быстро реагируемого подразделения. А тем временем природа вокруг ликовала... Ничего не предвещало грозные дни и будущие битвы...

Всё также заходились в пении птицы, светило солнце. Ветер лёгкий шелестел листьями, двигал по небу облачками. Они надвигались на солнышко, временно закрывая его от нас, становилось менее душно, а когда открывали его, то вновь воцарялся зной и изнуряющая духота. Пот лил градом, хотелось пить...

Мы пробирались сквозь чащу и были мужественны, выносливы, продирались сквозь заросли кустарника, осторожно раздвигали ветви, крадучись, пригибаясь, шли... Надо было скрываться и быть крайне осторожными. Отовсюду можно было ожидать нападения, словом были начеку!.. Вся обстановка требовала тайного, тихого подхода к месту возможного нападения противника. Мы и крались... Мы, это отважные бойцы того воинского подразделения, на участь которого выпала честь защищать свою землю от нашествия покорителей самого лучшего из народа. На нашу честь выпала доля защитников отечества и нашего края!.. А вы как думали? только так... Великая честь!..

Осторожно выглянув, мы увидели «врагов земли родной», они тесными колоннами надвигались на нас, и нам срочно надо было предпринимать что-то такое, граничащее с подвигом и героизмом. Да! надо было приниматься за дело... И мы взялись за дело так, что всех, всех победили!.. Тяжёлыми усилиями досталась нам победа. С триумфом и торжеством возвращались мы в штаб-землянку. Уже на подходе к месту своей постоянной дислокации мы встретили другое наше подразделение во главе с Сашей Артюховым. И они всех на свете победили, врагов конечно...

* * *

Мы играли, играли в «войнушку», тогда многие мальчишки старались быть только бойцами героической Красной армии и никто не хотел играть фашистов... Мы не были дети послевоенных лет, но начало шестидесятых. Однако были живы непосредственные участники боёв на фронтах Отечественной, что пронеслась над страной. Их рассказами, романами о войне, повестями об отважных партизанах, разведчиках были буквально наполнены наши совсем юные головы. Начитавшись, наслушавшись, мы тоже желали участвовать в защите своей отчизны, а как? Играми!

Мы с ребятами играли,
Понарошку воевали.
Все хотели быть за наших,

Не хотели за чужих!.. [1]

Враги были воображаемые, числом неперечесать, упорно и лавинами накатывающие на горстку отважных бойцов, то есть нас.

Мы играли...

Это было такое время, когда наши старшие товарищи, которые оторвались от нас года на два, полтора по возрасту резко ушли от нас своими уже совсем другими интересами, наши же увлечения существенно отстали от них. Им надо было думать о тонких девичьих талиях, о том, как нежно и томно обнимают их неумелыми руками, о загорелых ножках, о смехе звонком, девичьем, что струился вроде независимо от мальчиков, но тем самым привлекая их. Да! они, старшие товарищи, уже совсем думали о другом... О вечном, почти мистическом увлечении, красивом, чувственном, окутывающем человеческую сексуальность. Но мы этого конечно ещё не испытывали, а они не обо всём ещё догадывались. Возрастом, природой им прозвучал зов, и им не интересно было с нами, то есть мелюзгой. В представлении, сознании наших друзей – мы были мелюзгой, но не нашим... В наших же головах крутилось вообще нормальное к себе отношение, сообразно нашему возрасту. Это потом в будущих годах мы догоним увлечения старших и сами ринемся навстречу своим мыслям о девочках, и нас коснётся романтика, цветы, музыка, лунный свет, а это по сути, лишь способ, применяемый природой, чтобы сблизиться с девушками, жизнь как не крути, всё вокруг них крутится. *«Черноброва и кудрява, красна девица-душа! Шепчут все:*

– Петрова Клава, невозможно хороша!» [2]

Наши увлечённости тогда остались при нас... Какие? да мальчишеские! в мире и сознании которых, ещё и вовсе не селились девочки. Нет, конечно, мы играли с ними, но как с друзьями, а не как с жителями земли, но противоположного пола. Нам было просто интересно с ними бегать, играть в догонялки, в лапту, «выжигалку», «чижика», городки, а ещё завестись далеко за околицей посёлка и изображать из себя, то казаков, то разбойников. Лазить и догонять друг друга по заброшенным домам-сараям, по срубам недостроенных домов. Летними вечерами, сидя на скамейках возле домов, под шелестящими тополями негромко отвечать друг другу в «верю-неверю» или предаваться простой, интересной забаве...

...Передавать тайно колечко или другую вещицу, которая и называлась: «Колечко-колечко, выйди на крылечко!»

Все собравшиеся усаживались на лавочке, среди них выбирался водящий. Он зажимал между ладонями кольцо или другую маленькую вещицу. Остальные также складывали ладошки лодочкой. Ведущий подходил к каждому со словами:

– Я ношу, ношу колечко и кого-то одарю!

Вещицу он вкладывал в руки одному из сидящих на лавочке, но делал это максимально незаметно, чтобы другие не смогли узнать, догадаться, кому был передан предмет. А получивший подарочек также оставался невозмутимым, хладнокровным, не выдавал себя, показывал вид, что колечко-предмет не у него.

После того, как водящий прошёл каждого, якобы всем вложил в руки вещицу, он отходил немного в сторону и говорил слова:

– Колечко, колечко, выйди на крылечко!

Игрок, кому достался приз, должен был быстро подбежать к дарителю. А остальные сидящие при этом старались заранее понять, кому достался он, и не дать этому участнику покинуть ряд. Если удавалось ускользнуть, то он становился новым водящим, если нет – руководил прежний игрок.

...В дневное время была такая игра, мы делились на две команды. С одной стороны, гусей и их хозяев, а с другой волков, «хозяева» кричали, звали.

– Гуси, гуси, – в ответ, – Га-га-га!

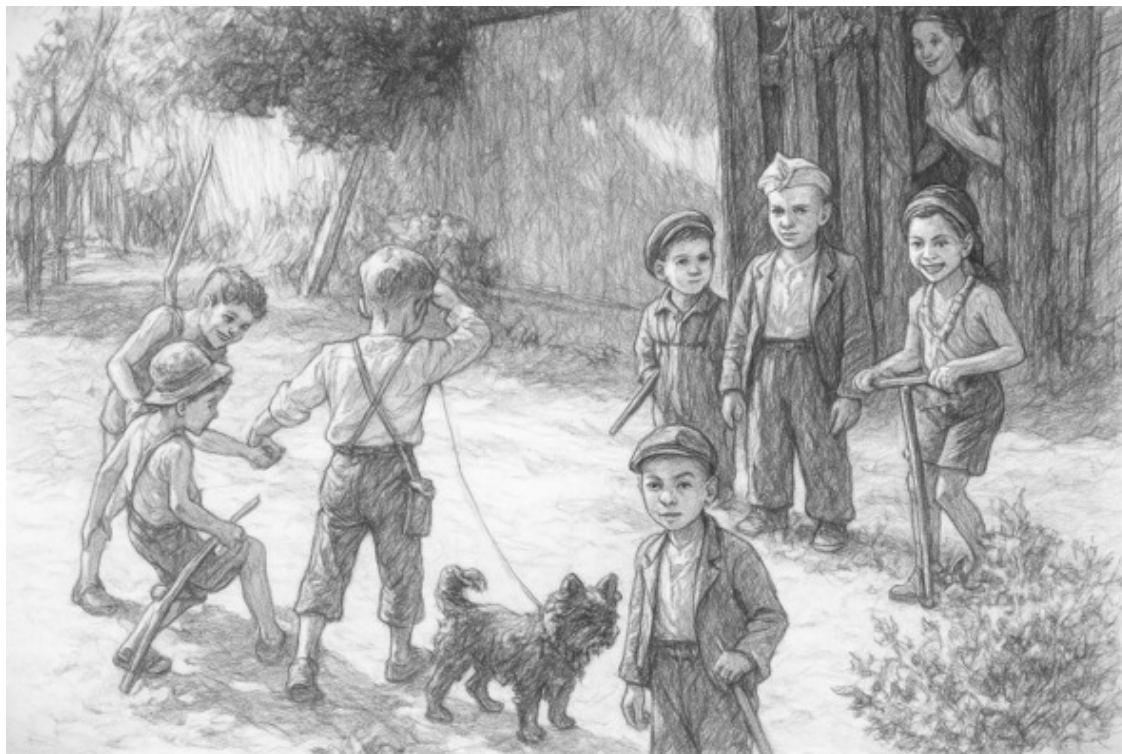
– Есть хотите? – слышалось, – Да-да-да!

– Ну, летите!..

Испуганное частое махание головой:

– Нет-нет-нет! Серый волк под горой, не пускает нас домой...

– Ну, летите, как хотите, только крылья берегите, – и мы летели, разбивали цепь, взявшихся за руки ребят и девочек команды волков, а если не удавалось, то попадали в лапы к ним и выходили из игры.

Да! любили играть!.. Любили представлять себя в роли взрослых профессий врачей, учителей, артистов, учёных. Вообразить из себя танкистов, лётчиков, кавалеристов, копировать персонажей из книг, мушкетёров, пиратов, доблестных рыцарей. Всё было! и наше поколение прошло через эти игры. Такие игры впоследствии помогали нам выбрать то направление в нашей жизни, что более по душе игралось в детстве и многие безошибочно определились со своей профессией. Да! мы любили играть...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.